

Татьяна Устименко

Ольга Вольска

Все или ничего

Прощать мужчин нужно так,
чтобы они плакали!

Ольга Вольска
Татьяна Устименко
Всё или ничего
Серия «На страже двух миров», книга 2

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5316261
Все или ничего: Фантастический роман: Альфа-книга; Москва; 2013
ISBN 978-5-9922-1348-5

Аннотация

Воскресить погибшего сотрудника? Да запросто! Это не проблема, а скорее – насущная необходимость, ибо госпожа кардинал не привыкла разбрасываться людьми. Разжиться для разнообразия вредным оборотнем? Хм, а почему бы и нет, если для полного счастья некоторых личностей отделу точно не хватало этой наглой волчицы. Ввязаться в старинную вражду Высоких домов? М-да... Но если это нужно для дела, то ничего страшного. Что?! Отдел распускают?! Э нет, ребята, так не пойдет! У нас еще осталась куча нерешенных проблем: нам предстоит разобраться с инквизицией, некромантами, демонами, семейными тайнами... Да и с собственными чувствами, в конце концов!

Содержание

Пролог	4
Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	26
Глава 4	37
Глава 5	49
Глава 6	60
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Татьяна Устименко, Ольга Вольска

Всё или ничего

Каждый человек сотворен из воспоминаний.

NN

Пролог

Шестеро крепких парней, облаченных в черные костюмы и белые рубашки, осторожно грузили в салон роскошного конного катафалка шикарный гроб из красного дерева. Молодая женщина в трауре пронзительно всхлипывала, повиснув на дверце похоронного транспорта. Кучка одетых в чопорные одежды людей, вышедших из церкви, тихо шушукалась в сторонке, бросая косые взгляды на рыдающую даму.

– Все готово, синьора, – один из грузивших гроб мужчин тронул ее за плечо, – можем ехать.

– Да-да, конечно, – невнятно пробормотала она, скрываясь в недрах огромного салона. – И, пожалуйста, оставьте меня одну...

– Как скажете, госпожа. Примите наши соболезнования.

Женщина сиротливо присела на краешек обитого черным велюром сиденья. Затем, не выдержав, рухнула на крышку гроба и разразилась бурными рыданиями. Кучер из деликатности задвинул щиток, отделявший его место от салона, а возможно, ему просто не улыбалось слушать всю дорогу безутешный рев несчастной вдовы – перегородка была звукопроницаемой. Кони звонко зацокали копытами по мостовой, и катафалк тронулся.

Стоило лишь катафалку отъехать от церкви, как женщина мгновенно прекратила всхлипывать и надрывно стенать. Она облегченно перевела дух и победно улыбнулась. Шляпка с густой траурной вуалью была легкомысленно отброшена в другой конец салона. На лице «безутешной вдовы» не просматривалось ни малейшего следа недавних рыданий. Скорее она выглядела сосредоточенно-недовольной. Подобрав юбки, женщина что есть силы двинула каблуком по стенке гроба, оставив на лакированном дереве глубокую вмятину.

– Хорош дрыхнуть, бездельник! – резко потребовала она. – Вылезай уже давай!

Половинка крышки откинулась, и... «покойник» сел в гробу, потягиваясь и зевая, как сонный кот.

– Ну и сильна же ты, детка! – давась зевком, с уважением проговорил Виктор Кипелов. – Ты чем сейчас по ящику двинула? Звук такой, будто по Царь-колоколу из Царь-пушки шарахнули!

– Извини, – абсолютно не испытывая угрызений совести, отозвалась Анна ди Таэ, выпутываясь из опостылевших юбок. – А как еще тебя от твоего вампирского сна пробуждать прикажешь?

– А меня что, уже отпели? – деловито спросил байкер, выбираясь из гроба целиком.

– И отпели, и отпили – закапывать везут, – хмыкнула княжна. – Упыря такого...

– А почему сразу «упыря»? – удивился оружейник.

– А кто еще днем спит? – ехидно ответила Анна вопросом на вопрос. – Только упыри да вот такие, как ты, бездельники!

– О, узнаю прежнюю Анну ди Таэ! – довольно усмехнулся Виктор, стаскивая с себя «похоронный» фрак и расстегивая рубашку чуть ли не до середины груди. Патологическая страсть байкера к расхристанности взяла верх над порядком и на сей раз. – Язвит напрапа-

люю и мотает нам нервы не щадя живота своего. Но это по-любому лучше, чем хандрить и страдать.

– Ну да, с вами даже не пострадаешь в свое удовольствие, – иронично фыркнула Анна, невольно вспоминая свою затяжную депрессию, охватившую ее после нелепой гибели Хьюго де Крайто.

...Окружающие так и не смогли вытянуть из нее ничего вразумительного. Ничего, кроме невнятного «добейте...». Виктору первому надоело выслушивать ее слезливые стенания. Когда он в очередной раз застал Анну безвольно сидящей в кресле и вперившейся пустым взглядом в стену, то перешел к активным действиям. Для начала вылил на княжну ведро ледяной воды, наорал от души, довел ее до истерики и заставил хорошенько выплакаться. А дальше, по мнению чародейки, начался ад. Виктор ежедневно появлялся в особняке ди Таэ ровно в пять утра, стаскивал Анну с кровати и выгонял на полосу препятствий, расположенную в парке у дома.

– Как только ты преодолеешь ее за две минуты, – заявил байкер, – я сразу от тебя отстану и позволю страдать столько, сколько влезет.

...Пройти полосу за две минуты ей удалось лишь спустя полтора месяца...

Анна постепенно возвращалась в реальность. А сейчас подходило к завершению ее первое за последние полгода задание. Собственно, именно из-за его выполнения Виктор и очутился в гробу, а княжне пришлось изображать безутешную вдову.

– Черт, и угораздило же нас ввязаться в разборки мафиозных кланов! – вздохнул Виктор, усаживаясь на сиденье. – Просвиру им в селезенку!

– Скажи спасибо, что это всего лишь человеческие кланы, а не вампиры, к примеру, – насмешливо откликнулась Анна.

Байкер согласно осклабился – чародейка, как всегда, права. А начиналось все до смешного привычно... Пропал наследник одного из влиятельных темноэльфийских кланов. Причем темные уверяли, что в его исчезновении виноваты люди. В процессе расследования княжну ди Таэ и Виктора занесло на Корсику. И понеслось... Наследника они не нашли, зато вместо этого выяснилось, что все произошедшее является неудачным розыгрышем родовитого эльфийского отпрыска. В результате они умудрились ввязаться в вендетту двух влиятельных местных кланов и ради собственного спасения были вынуждены разыграть пышный спектакль с похоронами.

Анна пошарила по карманам и вытянула телепортационный амулет.

– Все, уходим. – Княжна активировала портал. – По-английски, не прощаясь.

Дипломатов вышвырнуло на пустыре, в стороне от городских стен. Там их уже ожидал сильфийский парусник.

– День добрый, Эорлин-ши, – дружески поприветствовала Анна своего давнего знакомого – зеленоволосого сильфа, встречавшего ее у трапа.

– Здравствуйте, госпожа. – Сильф почтительно склонил голову и галантно подал девушке руку, помогая подняться по ступенькам. – Куда пожелаете отправиться на этот раз?

– Подальше отсюда, – без малейшего сожаления сообщила княжна. – Домой, в Будапешт!

Эорлин-ши согласно кивнул. Несколько минут спустя золотистый сильфийский парусник «Эолова арфа» беззвучно растворился в лазури средиземноморского неба...

Часть первая Еще один шанс

Глава 1

Ветер дул с реки, привнося в сгушавшиеся апрельские сумерки ту точно отмерянную дозу сырости, что способна вызвать насморк у загулявшихся туристов и ревматизм у стариков. Сырость забиралась под неплотно застегнутую одежду и прибывала к земле уже сухую пыль, которую днем разыгравшийся ветер пригоршнями швырял в глаза прохожим. Да, апрель – пыльный месяц, но ровно до того момента, пока не пройдет первая после зимы гроза и ливень не смоет пыль в Дунай. Кстати, сегодня сумерки сгустились так быстро не оттого, что солнце еще не отвоевало положенное ему место, а именно из-за наползавших с востока рыхлых грозовых туч. Время от времени в них даже посверкивали разломы молний и погромыхивали ободья небесной колесницы, выведенной на прогон разудалым пророком-громовержцем. Ведь небесные мостовые такие же корявые, как и в земных городах. Не секрет, что самой главной проблемой людей всегда были и остаются дураки и дороги. И если вторые еще хоть как-то можно привести в порядок, то извести первых не представлялось возможным, ибо, как известно всем, дураков не сеют и не сажают – они сами растут...

Размышляя таким нехитрым образом об особенностях важной человеческой проблемы, Арьята, пиная ногой камешек, неспешно плелась по набережной, сунув руки в карманы старенькой штормовки. Все попытки наставников вытряхнуть ее из потрепанной куртки и заставить надеть другую, новую успехом не увенчались. Ведьмочка продолжала таскать выдавшую виды брезентовую штормовку, заявляя, что на званный вечер ее не приглашают, а для будней и так сойдет. В общем-то в ее словах был резон, ибо за пределами церкви Святого Матиаша, где расположился отдел, Арьята появлялась крайне редко. А если она все же куда-то выходила, то чаще всего в сопровождении кого-нибудь из сотрудников отдела или своих наставников. Слишком свежи еще воспоминания о том, как однажды она угодила в лапы инквизиции.

Но сейчас как раз выдался один из тех редких случаев, когда Арьята выбралась в город самостоятельно. Конечно, Эрик сильно рисковал, отправляя ученицу одну, но выбора у него не было. Понадобилось срочно передать Профессору кое-какую документацию. А поскольку факса у досточтимого господина Криэ не водилось, то пришлось по старинке отправить документы с посыльным, а точнее, с посыльной. Которая получила строгий наказ «телепортироваться туда и обратно и чтобы одна нога здесь – другая там». На что ведьмочка даже ничего не ответила, а просто показала красноречивую фигу: дескать, подобное возможно лишь в том случае, если портал нарушится при телепортации и ее разорвет пополам. А посему ничто не помешало Арьяте проигнорировать приказ наставника. Выйдя от Профессора, она шла обратно в отдел вдоль набережной легким прогулочным шагом. К тому же она прекрасно знала, что на четвертом перекрестке можно свернуть и выйти точнехонько к нужной площади, срезав путь чуть ли не вдвое.

Набережная оказалась практически пустой, если не считать высокого человека в пилигримском плаще, бредущего навстречу ведьмочке. Ничего примечательного в нем не обнаружилось, если бы не тот факт, что капюшон мужчины оказался сильно надвинут на глаза. Из-под капюшона выбилось несколько золотисто-русых прядей, которые свободно полоскались на ветру и наверняка отчаянно мешали идущему. Но тому, похоже, было все равно. Что-

то в этой хмурой фигуре показалось ведьмочке смутно знакомым. Вот человек поравнялся с ней и...

Девчонка с любопытством заглянула под низко надвинутый капюшон и едва не споткнулась от неожиданности. Она прекрасно видела в темноте, и тень от капюшона не стала для нее помехой. Человек прошел мимо. Арьята резко притормозила и кинулась догонять.

– Отец Хьюго! – крикнула она, настигая странного прохожего. – Отец Хьюго, подождите! – Ведьмочка забежала вперед. – Это же я, Арьята, ученица княжны ди Таэ. Вы должны меня помнить!

Человек в плаще остановился и поднял подбородок, вперив в ведьмочку колючий взгляд. Капюшон чуть съехал, открывая его лицо... Последние сомнения сразу же испарились из головы менестрельки – перед ней действительно стоял покойный Хьюго де Крайто. И вот тут Арьяте стало по-настоящему страшно, ибо серо-стальные глаза священника оказались совершенно бездумными, словно у сумасшедшего или святого с иконы. В его расширенных матово-черных зрачках не отражалось ничего: ни тоски, ни боли, ни даже безразличия. Это были глаза мертвеца!

– А... мм... простите, обозналась... – шокированно пробормотала она и метнулась в ближайший переулок, спеша поскорее убраться с набережной.

– Ф-фу... – Арьята обессиленно сползла по шершавой стене дома и уселась на тротуар. Сейчас ей нужно отдышаться, успокоить бешено колотящееся сердце... А потом она вернется домой и немедленно все расскажет и мастеру Эрику, и госпоже кардиналу, и обязательно Анне, которая уже должна вернуться, и...

От неминуемой смерти ведьмочку спасла лишь природная быстрота реакции. Черная тень с летящим серебряным росчерком, несущим смерть, сорвалась с козырька подъезда напротив. Арьята рванулась в сторону, и клинок вспорол пустоту. Она узнала человека с набережной. А клинок, ведомый рукой нападающего, уже вновь летел в четко сбалансированном ударе. Девчонка кувырком прокатилась по брусчатке, вскочила на ноги и – откуда только силы взялись! – рванула обратно к набережной. Незнакомец, каким-то противоестественным образом присвоивший себе внешность Хьюго, не отставал.

– Эй, вы что, с ума сошли?! – вскрикнула Арьята, притормаживая на повороте, и едва не попала под удар. Ведьмочка увернулась и снова припустила вдоль реки, понимая, что на открытой улице ей не спастись. В переулки, однако, углубляться не хотелось – там шансов у «покойника» будет гораздо больше, чем у основательно подуставшей девчонки.

Менестрелька с разбегу вскочила на парапет и, пробежав несколько метров, ласточкой ушла в воду. Человек остановился у того места, где она прыгнула. На поверхности реки не появилось даже пары пузырьков. Подождав с минуту, он вложил клинок в деревянные ножны, вновь превратив свое страшное оружие в ничем не примечательную палку, и размеренно зашагал прочь.

Арьята, тяжело дыша, вынырнула и вскарабкалась на бетонный выступ под мостом. Закашлялась, выплевывая воду, попавшую в рот и нос. С ведьмочки текло ручьями. Она провела рукой по лбу, стирая грязь и убирая волосы, облепившие голову. Порывы ветра усилились, заставив ее застучать зубами от пронзительного холода. Арьята выбралась обратно на набережную. Гроза надвигалась с невероятной быстротой, уже накрыв почти весь Будапешт, но еще не решаясь разразиться неминуемым ливнем. Девчонка свернула на нужном перекрестке и что есть духу припустила вверх по улице, понимая, что не успеет опередить дождь и вернуться в отдел до начала грозы...

Дождь с размеренным шумом шелестел за окном, превращая здания в размытые кляксы и застилая город туманной пеленой. В мгновенно образовавшихся лужах вскипали

многочисленные пузыри. Отец Рид задумчиво смотрел сквозь залитое водой стекло, затем перевел взгляд на маленький мохнатый кактус в невероятно большом для него горшке. Кактус пышно цвел сиреневыми цветочками, выбрасывая новые бутоны чуть ли не каждые две недели. Архонт потер слезящиеся от умиления глаза. Именно этот кактус шесть месяцев назад подарила ему Арьята взамен засохшего. Рид рассеянно улыбнулся. Возможно, это глупо – привязаться к кактусу, но, как говорится, у каждого придурка свои радости.

Раздался прерывистый звонок в дверь, затем еще один. Священник дернулся от неожиданности, резко вскочил, и книга, лежавшая у него на коленях, шлепнулась на пол разворотом вниз, примяв страницы. Рид направился открывать, на ходу нашаривая в кармане очки и перестраивая зрение.

– А-арьята?! – Архонт удивленно воззрился на менестрельку. Она была последней, кого он ожидал увидеть на пороге своей квартиры, тем более в таком виде. Ведьмочка извозилась в грязи, а кроме того, промокла до такой степени, что с нее текло не то что ручьями – реками, и вдобавок из-за уха свисало что-то осклизлое, сильно напоминающее водоросль.

– П-привет, – проклацала зубами девчонка. Рид заметил, что ее колотит крупная дрожь.

– Так, немедленно марш в душ! – скомандовал он, втаскивая Арьяту в квартиру и заталкивая в ванную. – И пока не согреешься, не вылезай! Спасибо Господь наделил нас такой благодатью, как горячая вода! Полотенце я сейчас дам.

Пока ведьмочка плескалась в душе, Рид нервно мерил шагами комнату. Что же произошло с Арьятой? Наверняка что-то из ряда вон выходящее, раз она решилась прийти к нему. И спрашивать о том у девчушки страшно, ибо после своего предыдущего визита, завершившегося попаданием в застенки инквизиции, она у него не появлялась. Архонт поправил сползшие на кончик носа очки и пошел на кухню ставить чайник.

Вода в душе наконец прекратила литься, и Арьята, завернувшись в полотенце, прошлепала в комнату, оставляя за собой мокрые отпечатки ног. Рид сидел в кресле, погружившись в собственные мысли.

– Эхм... а можно мне во что-нибудь переодеться? – осведомилась ведьмочка.

Архонт вскинулся и тут же смущенно отвел глаза.

– Мм, ой... а... э... сейчас... – Священник порывлся в шкаф и вытащил фланелевую рубашку в черно-красную клетку. – Думаю, это подойдет. Извини, халата нет.

– В самый раз! – Арьята с довольным видом цапнула рубашку и, зайдя за створку шкафа, начала переодеваться.

Пару минут спустя, когда ведьмочка устроилась в кресле, укутавшись в плед, архонт все же осмелился выяснить причину столь неожиданного визита.

– Что с тобой случилось? – Рид пытливо уставился на девчонку из-под очков.

– Я встретила покойного Хьюго де Крайто, – просто ответила та.

– Что?! – Священник даже подскочил. – Нереально! Невозможно! Арьята, ты, наверное, что-то путаешь. Я, конечно, понимаю, его гибель – это достаточно сильный удар, но...

– Я видела его так же ясно, как вас! – сердито парировала она. – Галлюцинациями я пока не страдаю! Спорим?

Архонт раздосадованно прикусил язык. Он слишком хорошо помнил этот обиженно-ущемленный тон. Ведьмочка взвинчена до предела. Один бог знает, что она сейчас способна натворить сгоряча, особенно если ее не выслушают. А ведь такое уже происходило! В памяти архонта отчетливо всплыли минувшие события...

– Я увидела отца Хьюго на набережной, – продолжила Арьята, – окликнула его, но он то ли не узнал меня, то ли сделал вид, что не узнал. А потом... потом он пытался меня убить. – Ведьмочка заметила, как священник непроизвольно сжал кулаки.

Несколько секунд Рид что-то обдумывал, а затем предложил:

– Звони князю Эрику. Скажи, чтобы он немедленно прибыл в отдел. А я сейчас свяжусь со Златой.

– Думаю, нет смысла разделять эти два действия, – усмехнулась Арьята. – Госпожа кардинал сегодня ночует у нас...

Кабинет Пшертневской выглядел таким же разбомбленным, как штаб последней линии обороны в тот финальный момент, когда противник уже подобрался ближе некуда и тихо подхихикивает за стеной, а внутри блиндажа сидит оставшаяся в живых кучка защитников вместе с командиром и гадают: «Сдаваться или так обойдется? А может, лучше взорвать все, к чертям собачьим, чтобы врагу не досталось?»

Пшертневская нервно вертела в руках черную ручку-перо с серебристым наконечником, бросая пытливые взгляды на собравшихся. Эрик, сидя в гравикресле собственного изобретения, недовольно косился на Арьяту, всем видом давая понять, какая головомойка ожидает строптивую ученицу за нарушение приказа. И немудрено, ведь князю испортили такой многообещающий вечер! Ведьмочка усердно делала невинные глазки и жалась к отцу Риду, а тот машинально обнял ее за плечи. Профессор сидел в кресле, флегматично попыхивая трубкой и перебирая пальцами по медному набалдашнику черной трости.

– Так, честное собрание, мы что-то пропустили? – хрипловато осведомился нарисовавшийся в дверях Виктор.

Он и Анна только что вошли в кабинет. Княжна посмотрела на присутствующих сквозь прищур и прозорливо нахмурилась. Ой что-то все шибко смурные сидят, ой что-то будет...

– Хьюго де Крайто жив, – мрачно бросил Эрик ди Таэ, даже не обременив себя какой-то подготовительной репликой.

Анна отшатнулась, будто ее наотмашь хлестнули по лицу.

– Сядь, – сухо проговорил чародей, энергетическим импульсом придвигая ей кресло.

Княжна тяжело опустилась на сиденье и обхватила голову руками, затем резко вскинулась и обвела коллег холодным взглядом.

– Ты несешь чушь! – запальчиво выкрикнула она.

– Это не чушь, – оборвал ее брат. – Арьята видела его на набережной, а потом он пытался ее убить.

– Тело ведь тогда так и не нашли... – многозначительно добавила Злата. – Оно исчезло бесследно, на второй день после похорон мы обнаружили на кладбище пустую могилу.

Взгляд Анны стал жалобным. Было видно, что она едва сдерживается, чтобы не расплакаться.

– Это не шутка и не глупый розыгрыш, – поспешил уточнить Профессор. – Кажется, он действительно жив.

– Угу, – князь барабанил пальцами по подлокотнику, – мне бы очень хотелось знать – как?! Арьята утверждает, что он не зомби.

Ведьмочка усиленно закивала. Княжна с нажимом помассировала виски, собирая в единое целое свои буквально взорвавшиеся нервы.

– Возникает вопрос, – выразила общую мысль госпожа кардинал, – можно ли воскресить человека?

– Безусловно, можно, – хрипло откликнулась Анна. – Эрик, ты же сам знаешь, что можно! К чему весь этот фарс?!

– Знаю, – тяжело вздохнул старший ди Таэ, – это некромантия Высшего круга, багровый раздел¹. Но хоть убей, я не назову тебе ни одного трактата, где бы это было описано.

¹ Некромантия имеет четыре раздела: синий, черный, красный и багровый. Сложность обрядов возрастает соответственно цвету. – *Здесь и далее примеч. авторов.*

Я перерыл всю доступную нам библиотеку, смотрел в электронном реестре – все книги по этой тематике не идут дальше красного раздела!

Чародейка закусила губу, что-то мысленно рассчитывая. Все в ожидании воззрились на нее.

– Сарагосская рукопись, – наконец проговорила она. – Да, в Сарагосской рукописи есть багровый раздел, и она не числится в библиотечных реестрах. Там должен присутствовать обряд воскрешения тела.

– Глупости! – возмутилась Злата. – Рукопись сгинула в реальностном шторме еще год назад. К тому же, чтобы пользоваться книгой, нужен специалист соответствующего уровня квалификации.

– А кто сказал, что такого специалиста нет? – вскинул бровь Эрик.

Княжна что-то прикинула в уме, наколдовала себе стакан вермута и залпом выпила.

– Поздравляю, мы влипли, – «обрадовала» она всех, отдышавшись. – Вы даже не представляете как и насколько глубоко! У меня имеются все основания считать, что рукопись попала в руки инквизиции.

Все присутствующие уставились на нее непонимающими взглядами.

– Теперь я уже не сомневаюсь: в мадридском отряде инквизиции присутствовал очень сильный маг, – продолжила она. – Я в спешке решила, что это обычный стихийник, даже не мастер, и просчиталась.

– То есть ты хочешь сказать... – Князь подался вперед.

– Да. Я предполагаю, что на инквизицию работает некромант Высшего круга. Он вполне мог благополучно выбраться из реальностного шторма без вреда для себя и вынести книгу. – Чародейка удрученно провела ладонями по лицу. – М-да-а, дела...

– Но если де Крайто воскрес, то почему он напал на Арьяту? Что, у него в башке не все клепки в пазы встали? – с подначкой осведомился Виктор.

– Проблема в том, дорогой мой друг, что обрядом багрового раздела воскрешают только тело, разумное, полностью функционирующее, но всего лишь тело, без души. А тут, я думаю, обряд был подкреплён «марионеткой» второго уровня, подавляющей память и чувства. В результате мы имеем эдакую живую куклу, подчиненную воле хозяина целиком и полностью, – менторским тоном заметил Эрик.

– Теперь мне все ясно, – тяжело вздохнула Анна. – Все встало на свои места. Инквизиция мечтает посчитаться с семьей ди Таэ, взять реванш за прошлые поражения, так сказать. А кроме того, мы для нее явно опасны, и поэтому нас требуется устранить. Полагаю, Арьята просто случайно подвернулась Хьюго под руку. На самом деле он станет охотиться на меня и на Эрика, выполняя волю пославшего его хозяина, то есть сеньора Саграды!

– И что вы предлагаете предпринять дальше? – осторожно поинтересовалась госпожа кардинал.

– Тут возможны два варианта... – Князь ди Таэ запнулся. – Либо мы оставляем все как есть, либо мы его убиваем. На этот раз окончательно и бесповоротно.

– Ты забыл еще об одном, целитель, – горько бросила княжна. – Душу можно вернуть!

– Анна!..

– Я не выбираю из двух зол! – огрызнулась чародейка и, стремительно поднявшись, выбежала прочь.

В кабинете повисла напряженная, недоуменная тишина.

– Его душу действительно можно вернуть? – негромко спросила Злата, нарушая молчание.

– Да, – кивнул князь.

– И вы сможете это сделать?

– Попытаемся.

– А шансы на успех?
– Тридцать к семидесяти. Вероятность благоприятного исхода весьма мала.
– Приступайте, – ровным тоном произнесла госпожа кардинал. – Все или ничего, но инквизиции он не достанется.

Неверный красноватый свет настольной лампы придавал багровый оттенок коричневой вязи, занимавшей страницу книги, оставляя в тени лицо читающего человека. Христобаль Саграда неспешно перелистнул страницу. В дверь постучали. Инквизитор нехотя закрыл фолиант и, обернув куском черной ткани, убрал в ящик стола, подальше от любопытных глаз.

– Да! – откликнулся он, придав голосу официальный тон.

Дверь скрипнула, и в кабинет вошел начальник внутренней инквизиционной гвардии, сопровождаемый человеком, облаченным в пилигримский плащ. Команданте знаком приказал гвардейцу выйти. Капюшон плаща будто сам собой сполз с головы второго посетителя, явив тонкое, будто точеное лицо в обрамлении золотисто-русых волос, стянутых в низкий хвост. Глаза молодого человека абсолютно ничего не выражали. Сеньор Христобаль неопределенно хмыкнул, окинув юношу самодовольным взглядом, – бесподобная работа. Причем его работа. Не крылатый лорд, конечно (которого он изначально планировал захватить для своих целей, когда поймал Арьяту), но тоже ничего. Правда, сегодняшний выход в город закончился неудачей. Но кто же знал, что треклятая девчонка окажется столь проворной...

«Надо же, какие непредсказуемые превратности судьбы... – подумал команданте, поднимаясь и подходя к застывшему посреди кабинета Хьюго де Крайто. – Он стал моей марионеткой...»

Инквизитор поравнялся с юношей. Тот продолжал неотрывно смотреть в одну точку. Саграда наотмашь хлестнул его по лицу. Тяжелый перстень инквизитора распорол скулу «марионетки», из ссадины заструилась кровь. Хьюго даже не шелохнулся, продолжая исполнять роль бездушного предмета интерьера.

– Ты промахнулся сегодня, – безразлично произнес сеньор Христобаль. – Анна ди Таэ – следующая, – повелительно добавил он. – Смотри не ошибись.

– Да, мэтр, – бесцветным голосом ответил де Крайто. Кровь залила щеку, попала на одежду, но ему, кажется было все равно.

Досточтимый сеньор инквизитор брезгливо поморщился. Как же все-таки противно общаться с тем, кого ты создал... Живая кукла, манекен, вещь... Без души – он даже боль чувствовать неспособен!

Раз! – и тонкая фарфоровая чашка разлетелась на множество осколков, тоненько дзынькнув о стену. Маленькие кусочки фарфора тут же превратились в трудноразличимую пыль. Не без магического воздействия, конечно. Анна откинулась на широкую спинку кресла и устало закрыла глаза. Тонкие руки безвольно лежали на широких мягких подлокотниках. Эрик внимательно наблюдал за сестрой. В него уже успели полететь тяжелое пресс-папье, часы в медном корпусе, стоявшие на журнальном столике, и увесистый том справочника по травоведению. Князь выждал несколько минут после расправы над чашкой и холодно спросил:

– Успокоилась?

Анна бросила на него испепеляющий взгляд, но промолчала, лишь закусил губу чуть ли не до крови.

– Глупая, – сочувственно вздохнул Эрик, направляя к ней гравикресло. – Давай вытирай слезы и слушай сказочку, которую тебе расскажет любимый старший брат. А то, если не прекратишь киснуть, я обижусь, и тогда уже никто никого не воскресит.

– Значит, ты мне поможешь? – глуховато спросила княжна, одновременно испытывая и страх, и облегчение, и благодарность.

– Ну конечно, куда же я денусь! – с подкупающим прямодушием улыбнулся князь. – Во-первых, потому, что не могу смотреть, как ты, боевой маг ди Таэ, превращаешься в размазню, а во-вторых... А вот что «во-вторых» я тебе сейчас расскажу... – Эрик извлек из подлокотника гравикресла ноутбук и деловито защелкал кнопками. Затем присоединил сенсорную панель и предложил: – Положи сюда свою руку.

Анна повиновалась. Секунду спустя на экране монитора спроецировалась ее фигура, окруженная серебристо-голубоватым свечением.

– Вот, смотри, – Эрик обвел пальцем контур на мониторе, – это виртуальная проекция твоей ауры, по которой можно сказать, что ты принадлежишь к воздушной стихии, а серебристый отсвет указывает на...

– Короче! – перебила его Анна.

– Не перебивай! – укоризненно потребовал маг. – Лучше посмотри внимательно и скажи, что ты видишь.

Княжна, прищурившись, начала пристально изучать мерцающее изображение.

– Пятна какие-то сиреневые, – пожалала она плечами. – Непонятные, на трупные смахивают.

– Очень смешно! – недовольно буркнул князь ди Таэ. – Еще одна неуместная реплика, и я тут же заканчиваю этот разговор! Можно подумать, он только мне одному нужен.

– Ну и что же это?

– Это связь, Анна. Твоя ментальная, а точнее, любовная связь с Хьюго де Крайто.

– Не мели чепуху! – Княжна вновь начала раздражаться. – Он же отрекся от меня... Наша связь порвалась. Вернее, – шокированно поправилась девушка, – должна была порваться...

– И тем не менее это связь, – резко перебил ее Эрик. – Слабая, но вполне очевидная. Изначально я сам впал в недоумение, когда ее заметил. По идее, знаки связи имеют яркий цвет и всегда исчезают после отречения и гибели одного из партнеров, однако...

– Ну?

– В общем, в вашем случае она действительно не прервалась, а просто перешла в состояние сна, – закончил он.

– Такого не может быть! – потрясенно воскликнула чародейка.

– В нашем безумном мире возможно все, – «утешил» целитель. – Я поднял все доступные трактаты по подобным темам и кое-что раскопал. Данное явление наблюдается крайне редко и имеет место только в одном случае... – Эрик выдержал эффектную паузу. – Если гибель одного из партнеров произошла несвоевременно.

– То есть ты хочешь сказать... – Анна неопределенно махнула рукой.

– Да. Я составил гороскоп и просмотрел линию судьбы де Крайто. Она не должна была оборваться около полугода назад. Его жизненный срок охватывает намного больший период, чем двадцать три года. Высшие силы запланировали для Хьюго долгую и насыщенную событиями жизнь, но никак не гибель в столь молодом возрасте. Смерть отнюдь не собиралась забирать его к себе, и получается – здесь не обошлось без вмешательства какого-то сильного противника. Кто-то весьма смелый и изобретательный вознамерился обыграть Смерть на ее поле, введя свои правила. Назови это как хочешь: преднамеренной уловкой, чужим проклятием, выкупом... Возможно, я неправ и Смерть никого не забирает случайно...

– Наш отец, например, погиб именно случайно! – насупившись, запротестовала Анна.

– Мы привыкли так считать, – попытался убедить ее брат. – Но если предположить, что его гибель стала частью какого-то грандиозного общего плана, то нет... – Он в отчаянии сжал ладонями виски. – Подобное просто не укладывается в голове, я неспособен осмыслить

глобальность такого плана. Выходит, якобы случайная гибель Хьюго – это многоходовая, до мельчайших подробностей продуманная комбинация. Тебя и его разменяли как пешки, – князь облизнул пересохшие губы, – поэтому есть смысл устроить матч-реванш.

– А мы снова станем в нем пешками? – с горечью спросила княжна.

– К несчастью, да. Но вся прелесть будущей комбинации состоит в том, сестренка, что каждая пешка имеет возможность стать ферзем и поставить мат королю. Так ты в игре?

– Еще спрашиваешь!

– Тогда делай что должно...

– ...и будь что будет.

– Мы не выбираем из двух зол, – в один голос закончили они.

Княжна ди Таэ поднялась наверх и толкнула дверь своей спальни. Сейчас она хорошенько отоспится, переварит полученную от брата информацию, а завтра приступит к активным действиям. Внезапно Анна застыла на пороге комнаты, настороженно вглядываясь в темноту...

– Виктор, если в комнате не включен свет, это еще не означает, что я тебя не вижу, – язвительно сообщила чародейка. – Можешь прекратить изображать вешалку за шкафом.

– Ну так неинтересно, – донесся из темноты разочарованный возглас.

– Надеялся, что я приму тебя за грабителя? – съязвила Анна. – А не думаешь, чем может закончиться такая ошибка? Ох как бы ты вырывался, как бы кричал...

– Фигня, – игриво поддел ее оружейник. – Вот один мой друг, наоборот, принял грабителя за девушку! Ах как тот сопротивлялся, как кричал...

Княжна рассмеялась и зажгла торшер. Байкер стоял, опершись спиной о шкаф, и щурился на вспыхнувшую лампу. Чародейка, не разуваясь, плюхнулась на кровать.

– Как ты сюда попал? – спросила она, скосив глаза на Виктора.

– Через портал, само собой. Из отдела, – пожал плечами тот.

– Нет, как ты попал в комнату? На дверь наложены сильные охранные чары, а защитный амулет я у тебя забрала.

– Какие чары? Эти, что ли? – усмехнулся байкер, подходя к двери и выдергивая из косяка длинную железную шпильку. Проем полыхнул лиловым пламенем. – Ты бы что-нибудь посущественней придумала, крошка. Этот фокус с блокировкой даже трехлетний ребенок провернет.

– Трехлетний ребенок не дотянется до верхнего левого угла двери, – немного обескураженно выпалила Анна, не найдя лучшего довода. – Но я обязательно внемлю твоему совету, о великий блокировщик заклинаний. Говори, зачем приперся?

– А что, нельзя?

– Виктор, я устала как собака. Мои нервы сегодня трепали все, кому не лень...

– Ты обещала раскинуть карты, – жалобно напомнил байкер.

Княжна медленно перетекла в сидячее положение.

– Опять кошмар приснился? – прозорливо спросила она.

– Угу, он самый, – скорбно признался оружейник.

Чародейка тяжело вздохнула и полезла в ящик туалетного столика. Еще пару месяцев назад Виктор пожаловался, что его постоянно преследует один и тот же сон. Анна вытащила распухшую от времени, изрядно потрепанную игральную колоду.

– Так на игровых же вроде не гадают... – оторопел байкер.

– Без разницы, – небрежно отмахнулась княжна. – Неважно, на чем гадают, важно, кто это делает.

Чародейка перетасовала колоду и начала расклад. Байкер напряженно следил за ней. Княжна все больше мрачнела.

– Что, все так плохо? – не выдержал он.

– Да как тебе сказать... Ничего не ясно... Бред какой-то выходит. Все в кучу намешано. Ты говорил, тебе мост горящий снится? Так вот – мост я вижу. Вон шестерка-треф в окружении пик. А дальше мрак и ересь. Здесь такая вариативность, что я не решусь что-либо трогать. Даже в картах, которые обозначают прошлое... Такое ощущение, что у тебя нет нити судьбы.

– А она должна быть? – Виктор заинтересованно склонился над картами.

– Должна, – кивнула Анна. – Но я ее не вижу. Мы все связаны нашим прошлым, нашими воспоминаниями. Наша жизнь в основном из них и состоит. У тебя тут все неровно и рвано, как скачки по болоту. Все зависит от выбора. Поэтому я не стану ничего трогать. Пусть все идет своим чередом.

– Ладно, – вздохнул мужчина, – и на том спасибо. Спокойной ночи, детка.

Глава 2

Нота за нотой, звук за звуком плелась тонкая вязь мелодии. Подвижные девичьи пальцы привычно порхали над декой гитары, перебирая по грифу. Радислава сидела на широкой стойке, упершись спиной в пустой пивной кег, прикрыв глаза и расслабленно касаясь струн. Зал был скорее пуст, чем полон, и тем, кто сидел за столиками, не было никакого дела до сидящей на стойке девушки с гитарой, как, впрочем, и ей до них. Радислава пела:

Я сегодня останусь с тобой,
Отдохну, обогреюсь немного,
Приголубь, душу мне успокой,
Ведь меня ожидает дорога.

Я останусь, забыв про беду,
Про отчаянный крик «безнадега!»,
Но потом за рассветом уйду,
Ведь меня ожидает дорога.

Сердце вновь заколотится вдруг,
Ты вздохнешь, умилен и растроган,
Я уйду, я уйду, милый друг,
К заповедным незримым порогам.

Мне еще нужно много пройти,
Хоть и пройдено, правда, немало,
Я опять ухожу, ты прости:
Я не злюсь, я всего лишь устала.

Я сегодня останусь с тобой,
И прошу, не суди меня строго,
Все равно уведет за собой
Окаянная лента-дорога.

Я уйду, но вернусь хоть на день,
Испросив это время у Бога,
Этот день ты мне не обесцень,
Ведь меня ожидает дорога...²

Она пришла в Будапешт сегодня утром, несмотря на то что много лет назад поклялась никогда больше не возвращаться в этот город, отобравший у нее наставника. Но тем не менее вернулась...

Радислава сильнее ударила по струнам, извлекая минорное созвучие. Последние несколько месяцев она видела этот город во снах, с каждой неделей все чаще и чаще. Город звал ее впервые за много лет. И она не смогла противиться этому зову. В одно прекрасное утро, проснувшись в комнате очередной придорожной гостиницы, где останавливалась на ночь, Радислава собрала вещи, закинула на плечи лямки старого гитарного чехла и отпра-

² В книге использованы стихи авторов.

вилась в Будапешт. Чтобы раз и навсегда расставить все точки над «і». Чтобы излечиться от застарелой душевной боли или умереть от нее же. Она не знала, чем встретит ее этот город, но все равно пришла. Будапешт не сильно изменился с последнего посещения: все те же мощенные черным камнем улочки, готические шпили с флюгерами, кирпично-красные корытца с цветами на балконах домов... Но что-то все-таки в городе изменилось, что-то стало не так. Если раньше менестрелю здесь были рады в любом трактире, то сегодня девушке пришлось обойти не меньше десятка заведений, прежде чем удалось найти место для ночлега. Да и то хозяин, пустивший ее, предупредил:

– Тут, госпожа бардесса, много не заработаешь. Народец нынче не тот, что раньше...

Разве что на улицах петь попробуете, но опять же рискованно...

– Почему рискованно? – не поняла Радислава.

– А-а-а, инквизиция, чтоб ее... – огорченно махнул рукой немолодой трактирщик. –

При старом магистре оно-то получше всем нам жилось. А как новый на его место два года назад заступил, так и понеслось... А госпожа бардесса, уж простите, еще и нелюдь.

Радислава только недоверчиво покачала головой. Да, Будапешт, конечно, не Мадрид, не Львов и не Одесса. В этих городах, будь ты хоть вампиром с клыками наружу, тебя в лучшем случае удостоят равнодушным взглядом (ну поздороваются, если ты коллега или сосед), а в худшем – освищут. Но хватать людей... точнее, извините, нелюдей на улицах и тащить в казематы инквизиции – это уже чересчур. Какое-то замшелое средневековье с его охотой на ведьм и кострами. Хотя рисковать действительно не стоит – мало ли что.

По городу девушка шла в солнечных очках с круглыми зеркальными линзами, которые прекрасно скрывали янтарную радужку во весь глаз и овальные зрачки. Глаза – единственное, что выдавало в ней истинного оборотня. Общаясь с трактирщиком, очки пришлось снять. По неписаному правилу всех городов Нейтральной зоны хозяин каждого заведения имел право знать, кого занесло под его кров и какие неприятности он может огрести за это от властей.

Впрочем, пока с Радиславой не случилось ничего плохого. Сейчас оборотничка сидела в общем зале на стойке и неспешно теребила струны, наблюдая за окружающими из-под опущенных ресниц. Патруль инквизиции, вломившийся в зал, она почуяла еще на подходе, но не двинулась с места. А какой в том смысл? Сбежать она все равно не успеет, да и вещи бросать не хотелось. К тому же город еще не сказал, зачем снова позвал ее к себе, зачем дорога повторно привела ее сюда. Вот и пусть все идет своим чередом...

Утро княжны ди Таэ началось с пронзительного вопля и короткого, но весьма емкого по своему содержанию нецензурного комментария. В источник шума полетела подушка, но не успела чародейка окончательно проснуться, как подушка бумерангом вернулась и шлепнулась обратно на нее. Анна разлепила веки и села. Возле дверей стояла жутко мокрая и жутко недовольная Арьята. У ног ведьмочки растекалась лужа воды и валялось перевернутое ведро.

– Это что? – мрачно поинтересовалась она у сонно шурящейся наставницы.

– Охранная система-а-ах... – давясь зевком, пояснила княжна. – Виктор вчера поставил. Мы пришли к выводу, что мои охранные чары не так уж и действенны. – Чародейка выпростала из-под одеяла руку и щелчком пальцев направила на Арьяту поток теплого воздуха. Ведьмочка блаженно зажмурилась. – Лужу на полу убираешь ты, – мстительно напомнила Анна.

– Напугали ежа голой попой, – строптиво фыркнула высушенная ученица, опускаясь на колени и проводя ладонями над лужей на ковролине. Повалил пар, запахло паленым... и пятно мокрое превратилось в пятно горелое.

– Ой, кажется, я перестаралась, – виновато пискнула Арьята, заметив, как вытягивается лицо наставницы.

– И что мне теперь с этим прикажешь делать?! – грозно осведомилась княжна, вылезая из-под одеяла и тыкая пальцем в пятно.

– Ну это можно выдать за останки покусившегося на тебя вампира... Ой какая пижамка! – восторженно заверещала ведьмочка, увидев на наставнице ярко-зеленую пижаму с танцующими мышками.

– Мы ушли от темы, – проигнорировав ее восторги, сказала чародейка. – Что тебе понадобилось от меня в такую рань, заноза?

– Тренировка, – ничуть не обидевшись, заявила девочка.

– О-о... – протянула Анна убитым голосом.

– Ы-ы... – передразнила ее ученица.

– Цыц, негодница! – пресекла ее кривляния чародейка. – Сегодня очередь Эрика над тобой измываться, а его комната – в другом конце коридора.

– Правильно, – согласилась Арьята. – Но когда я наконец дождалась его в холле, господин князь появился со стороны черного хода. Был расхристан, блаженно доволен и цитировал японскую любовную поэзию. Заявил, что сейчас он в душ – и спать, а меня отправил к тебе. Думаю, уточнять, где он пропал и чем занимался, не нужно? – невинно похлопала глазами ведьмочка.

– Угу. – Княжна исчезла за дверцей шкафа. – И в этом весь Эрик: он никогда не допустит, чтобы какой-то воскресший священник испортил ему свидание с любимой женщиной... Ладно, пойдем для начала завтракать, – пригласила Анна, на ходу застегивая жилетку.

– А тренировка? – недоуменно вздернула бровки Арьята.

– Вечером, – туманно отмазалась чародейка. – Точнее, ночью.

– Будем кого-то истреблять на благо общества?

– Скорее ловить. Истребление тоже предусматривается, но не сегодня.

Анна немного подумала и активировала старые защитные чары на двери, здраво рассудив, что второго потопа ковровин не переживет.

– А кого мы собираемся ловить?

– Мятежный дух, который всем желает зла, но вечно совершает благо.

– Не поняла! – Арьята удивленно застыла посреди лестницы. Она так и не привыкла к пристрастию своих наставников изъясняться всякими метафорическими цитатами.

– Чего ты не поняла? В Будапеште имеется некое праздношатающееся тело и одна не менее праздношатающаяся душа, а нам очень нужно получить из этих двоих одного полнотелого гомо сапиенса, дабы вырабатываемый им коэффициент полезного действия был направлен на благо нашего отдела. Вот душу мы сегодня и отправимся ловить, – мрачно усмехнулась Анна ди Таэ.

Арьяте не оставалось ничего иного, кроме как согласно кивнуть. Но при этом ведьмочке почему-то подумалось, что лучше бы она не сталкивалась с Хьюго вчера на набережной.

Раннее весеннее солнышко пыталось пробиться сквозь темные бархатные портьеры, крася их изнутри в пурпурно-персиковый цвет. Несколько лучиков нашли искомую лазейку и теперь играли на полу в догонялки. Госпожа кардинал крепко спала, обняв соседнюю подушку и блаженно уткнувшись в нее носом. Перекрутившееся и сбившееся атласное одеяло медленно сползало на пол, никем не удерживаемое. Вот оно съехало на четверть... на половину... и наконец полностью опало тяжелыми складками, опустившись на пушистый ковер. Едва одеяло завершило свое предательское сползание, как блаженную сонную тишину разорвало дребезжание дверного звонка.

– М-мфрпф-фхм... – недовольно пробормотала госпожа кардинал сквозь сон.

Звонок раздавался вновь и вновь, заставив Злату все-таки сесть на кровати, нашарить где-то на полу халат, влезть в мягкие тапочки и спуститься в прихожую. Звонок прекратил надрываться только тогда, когда она распахнула дверь. На пороге стоял Профессор.

– Доброе утро, пани Злата, – поприветствовал он хозяйку дома.

– Ум-хм... – невнятно откликнулась госпожа кардинал, давась зевком. – Простите, не выпалась. Бессонница, знаете ли...

– Знаю, – усмехнулся Вилдар Криэ, проходя в прихожую. – И даже догадываюсь, как эту бессонницу зовут.

– Эм-м... – На щеках смущенной Пшертневской выступил румянец.

– Думаю, Вацлав Пшертневский одобрил бы выбор своей дочери, останься он жив, – заметил Профессор.

– Что-то случилось? – Госпожа кардинал уже достаточно проснулась, чтобы быть в состоянии анализировать ситуацию.

– А вы как считаете? – скептически откликнулся отец Криэ.

– Полагаю, случилось, иначе бы вы не стали будить меня дома, а дождались в отделе, – ответила Злата, направляясь на кухню. – Вам налить кофе?

– Не откажусь. Нам предстоит довольно долгий разговор.

Профессор извлек из-под сутаны плотную кожаную папку и положил на стол. Госпожа кардинал пытливо взглянула на него. Отец Криэ выдержал театральную паузу, отхлебнул кофе и произнес:

– Насколько вы помните, пани Злата, чуть более полугода назад при невыясненных обстоятельствах в поезде Будапешт – Варшава был убит архиепископ Ингвар Краковский.

Женщина молча кивнула. Она слишком хорошо помнила ту историю в Мальборге.

– Следствие по делу ведется до сих пор, хотя и козе понятно, кто за всем этим стоит, – продолжил Вилдар Криэ. – Поэтому мы никогда не дождемся какой-то определенности. Исходя из вышеперечисленных соображений, я намереваюсь провести собственное расследование и собрать доказательства вины, которые помогут припереть к стенке великого инквизитора Нейтральной зоны, почтеннейшего сеньора Саграду, чтоб ему на елке болтаться!

– Вилдар, вы же понимаете, что я не могу вам этого позволить, – ровно откликнулась Пшертневская, аккуратно ставя чашку на блюдце.

– А я и не прошу вашего позволения, я великодушно ставлю вас в известность, – сердито парировал отец Криэ. – Это дело чести, Злата. Нас было шестнадцать выпускников духовного факультета Венского университета. До сего года в живых оставались двое: Ингвар Краковский и ваш покорный слуга. – Профессор театрально поклонился. – Милко Раджич и Эдгар Шпритт сложили головы, выполняя долг служителей Священной Стражи. Отец Илайя погиб в схватке с вольным чародеем, устроенной, как я теперь понимаю, не без помощи инквизиции. Остальные, в том числе и ваш отец Вацлав Пшертневский, основатель нашего спецотдела, сгинули при невыясненных обстоятельствах. После смерти Ингвара вся ответственность за погибших легла на меня. Теперь я один как перст. Но кто сказал, что один в поле не воин?

Злата сосредоточенно, не моргая, смотрела на него. Отгадать ход ее мыслей не представлялось возможным.

– Именно поэтому я и не хочу, чтобы вы во все это ввязывались, – помолчав, сообщила она.

– Я уже ввязался, – с оттенком безысходности вздохнул Профессор. – Видите эту папку? Это документы покойного Ингвара Краковского. Я получил их вчера вечером. Он вел расследование, и он же приказал в случае своей гибели отправить эти документы мне. Они –

мое наследство, мое проклятие и мой крест. И вы до сих пор намереваетесь помешать мне исполнить последнюю волю мертвых?

– Хорошо, – через силу выдавила Пшертневская, откидывая со лба прядь волос. – Только я вас умоляю, ведите себя осторожней, не лезьте на рожон.

– Ничего не могу обещать, – честно ответил отец Криэ, поднимаясь из-за стола. – Мы сейчас все ходим по краю бездны. Я собираюсь выяснить все... – Он запнулся. – Или погибнуть и не узнать ничего.

Маленькая хрупкая девушка застыла посреди кабинета досточтимого Христобаля Саграды, удерживаемая двумя здоровенными гвардейцами. И казалось не совсем понятным: то ли они держат ее, чтобы она не вырвалась, то ли – чтобы не упала. Радислава действительно едва стояла на ногах.оборотничка была полностью дезориентирована в пространстве, ее тошнило. Еще бы, после трех-то часов в камере пыток...

Высокий темноволосый человек в форме высшей инквизиции, сидевший напротив нее, норовил расплыться в бесформенную кляксу. Несмотря на расширенные зрачки, девушка мало что видела, да и слышала тоже. Лишь отдельные слова, раскаленным железом впивавшиеся в сознание:

– ...единственная выжившая... Саксонский корпус... Волчий мор... кровь... смерть...

Неужели этот город позвал ее только затем, чтобы убить? О, это несправедливо, ведь он и так уже взял у нее слишком много, отнял все!

Нет, нет, нет...

А слова огненными змеями вгрызались в мозг, подкованными каблуками били по черепу... К сожалению, она слишком хорошо понимала, что именно они обозначают!

«...единственная выжившая... Саксонский корпус... Волчий мор... кровь... смерть...»

Радислава вывернулась из рук гвардейцев и упала на колени. Обхватив голову связанными в запястьях руками, оборотничка хрипло взывала, повалилась на пол и осталась неподвижно лежать на плитах.

– В камеру, – коротко бросил Саграда. – Как только очнется, переведете в подвал.

Гвардейцы грубо подхватили лежащую без чувств Радиславу и выволокли в коридор. Сеньор инквизитор задумчиво глядел ей вслед, размышляя о своем, о наболевшем. Мысли не радовали. Соглядатаи донесли: Вилдар Криэ начал расследование по поводу гибели Ингвара Краковского. И можно даже не сомневаться, что он костями ляжет, но добудет необходимые доказательства причастности инквизиции. Для Криэ это дело чести. Христобаль Саграда вздохнул – от Криэ придется избавляться. Ну что ж, одной проблемой больше, одной меньше... Человеком больше – человеком меньше. Какая разница? Ему уже не привыкать.

Из-за неплотно прикрытой двери кабинета, который делили Анна и Рид, слышались звуки драки, звон клинков и хлопанье крыльев. Дверь, не выдержав напора изнутри, слетела с петель и грохнулась на пол. В коридор вылетели двое: закутанный в пилигримский плащ человек и архонт в полной боевой трансформации. Клинки мелькали, как серебряные молнии. Человеку приходилось несладко. Хотя он почти не уступал архонту в скорости, но у него в руках был только меч, тогда как Рид использовал еще и крылья, сами по себе являвшиеся страшным оружием. Отбивая выпад архонта, человеку все же удалось наотмашь полоснуть того мечом по щеке... Рид зашипел от жгучей боли. Человек, воспользовавшись секундным замешательством противника, плечом высадил ближайшее окно и выпрыгнул на улицу. Архонт с рычанием выругался, принимая свой обычный вид. Пошатнулся, оперся о стену. С другого конца коридора к нему спешили княжна ди Таэ и Арьята. Ведьмочка подбежала первой:

– Отец Рид!..

– Я в порядке, Арьята, – сквозь зубы выдохнул он, представляя, как примерно выглядит: отросшие за последнее время волосы растрепаны – ремешок слетел во время трансформации, лицо в крови, причем проклятый порез жжет так, что голова просто раскалывается.

Арьята прижала ладонь к его щеке, бормоча обезболивающую формулу. Рид почувствовал, как жгучая боль утихает, и благодарно взглянул на ведьмочку. Анна, заметив, что ее помощь не требуется, спешно набирала на своем сотовом телефоне номер Эрика.

Пятнадцать минут спустя все собрались в лаборатории князя. Целитель колдовал над щекой архонта, сращивая ткани.

– М-да... – расстроено протянул он. – Святой отец, хочу огорчить – похоже, у вас останется шрам. Извините, ничего не могу сделать. Этот клинок ковали специально против магии.

– Что?! – Архонт резко взвился на ноги. – Нет!

– Вы так печетесь о своей внешности? – скептически осведомился маг. – А шрамы, между прочим, украшают мужчину. Вон берите пример с Виктора, – усмехнулся он.

– Князь, я уважаемый служитель церкви, а не разбойник с большой дороги! – возопил Рид. – Умоляю, сделайте же что-нибудь!

– Простите, святой отец, ничем не могу помочь, – бессильно развел ладонями целитель.

Священник со стоном плюхнулся в кресло, уронив голову на руки. Арьята присела напротив него на корточки и осторожно откинула длинные пепельные пряди, упавшие ему на лицо.

– А по-моему, ничего страшного, просто светлая полоска... Мне даже нравится.

– Да? – Архонт воззрился на нее, как умирающий в пустыне – на стакан воды.

– Конечно! – Арьята сдернула с запястья черную ленту, которую таскала как украшение, и стянула волосы Рида в аккуратный хвостик. – Вот так! – Она чмокнула его в щеку.

– Эхм... – Священник, покрывшись румянцем, на несколько секунд впал в блаженный ступор.

– Отец Рид, может, все же расскажете нам, что здесь произошло? – потребовала госпожа кардинал, насильно вырывая своего подчиненного из мира грез.

– А, да, конечно, – встряхнулся тот. – Я только что имел честь лично убедиться в том, что наш досточтимый коллега святой отец Хьюго де Крайто жив. Я столкнулся с ним в кабине и не скажу, что испытал от этого прилив радости. Он, впрочем, тоже. Но ждал сей достойный паладин церкви, как я полагаю, отнюдь не меня...

В лаборатории повисла красноречивая тишина. Княжна ди Таэ досадливо закусила губу.

– Все правильно, – удрученно продолжил архонт, – он ждал Анну. По счастью, я появился раньше, иначе мы бы уже вполне могли оплакивать нашу штатную ведьму, прошу прощения за цинизм. Я попытался задержать де Крайто, но все видели, чем это закончилось.

– Н-да, похоже, сеньор Саграда так и не оставил свою навязчивую идею известить наш отдел, словно сорную траву... – задумчиво проговорил Эрик. – Поэтому, я думаю, нам стоит потопотиться.

– Да, – согласно тряхнула головой Анна. – Я надеюсь, дня через три, максимум через пять, мы получим своего сотрудника назад.

Княжна ди Таэ проверяла разложенное на кровати снаряжение, необходимое для ночного похода. Арьята заинтересованно рассматривала нехитрые приспособления в виде длинных свечей, мотка бечевки, полый стеклянной сферы и нескольких флаконов с зельями. Девочка весьма смутно представляла себе, как с помощью этого спиритического хлама можно поймать душу, особенно если учесть, что наставница была мастером воздушной стихии, а никак не духа или некромантии. Правда, есть еще магия крови...

Князь материализовался прямо посреди комнаты, не утруждая себя стуком в дверь.

– Арьята, выйди, – коротко бросил он.

Девочка вопросительно глянула на чародейку. Та молча кивнула.

– Да, мастер. – Ведьмочка бесшумно выскользнула в коридор.

Эрик взглядом проследил за закрывшейся дверью и накинул на комнату полог неслышимости.

– Ну? – скептически поинтересовалась Анна.

– Хотел поговорить с тобой о предстоящем деле, – пояснил маг.

– А малую зачем выдворил? – не поняла княжна.

– Ой, ну стоит ли забивать ребенку голову всякими глупостями...

– Ничего себе «ребенок» с грудью третьего размера, – иронично фыркнула Анна. – Ты видел, как она сегодня к Риду клеилась? Клянусь святой Вальпургией, малая добьется его, или я не ведьма!

Эрик рассмеялся в ответ.

– Ладно, – проговорил он, резко обрывая смех, – шутки в сторону. Думаю, нам лучше кое-что прояснить сейчас, пока ты еще не наделала глупостей.

– Я тебя слушаю. – Княжна внутренне напряглась.

– Для начала избавься от иллюзий, – вздохнул Эрик.

Анна непонимающе взглянула на брата.

– Сестренка, ну я же видел твои глаза, когда ты узнала, что Хьюго жив. Я прекрасно понимаю, почему ты так вцепилась в эту идею с душой...

– Эрик, что-то не так?

– Анна, ты же прекрасно знаешь, что если нам удастся все осуществить, если он действительно вернется... Анна, он начисто забудет несколько последних месяцев своей жизни, он не будет помнить тебя. А если что-то и вспомнит – скорее всего, то время, когда ты подобрала его на пустыре...

– Знаю, – тихо откликнулась княжна. – Знаю, Эрик, но поступить по-другому не могу. Пускай он снова меня возненавидит, но зато вернется к полноценной жизни.

– Ну да, а ты будешь смотреть на него и выть ночами на лампочку, – попытался урезонить сестру князь.

– К черту, Эрик! Все к черту! Я должна его вернуть, иначе не смогу жить дальше. Даже если нет шансов, что наша связь станет обоюдной, я все равно верну его.

«А кое-кто еще и заплатит за то, что заставил ее через это пройти, – мысленно поклялся себе Эрик ди Таэ. – Клянусь, придет время, и Саграда свое получит».

Посчитав беседу законченной, княжна начала укладывать снаряжение в сумку: свечи погрузила на самое дно, сверху поместила бечевку и сферу, флаконы рассовала по карманам. Девушка перебрала гроздь амулетов, висевших у нее на шее. Кое-какие сняла и засунула в карманы брюк.

– Держи. – Эрик протянул ей граненый темный флакон. – Глоток – перед обрядом, глоток – после. Это защитит сознание и восстановит ауру.

Анна с благодарностью приняла флакон и положила в отдельный карман.

– Еще какая-то помощь нужна? – осведомился брат.

– Нет. Полагаю, одну блуждающую душу я и сама поймать сумею, – усмехнулась чародейка. – К тому же Арьята идет со мной, так что, если душа заартачится, мы ухватим ее за шкурку и хорошенько приструним. Хотя, думаю, двум таким милым ведьмам она не посмеет отказать.

– Ладно, уговорила, – согласился Эрик. – Тогда я пойду, пожалуй. У меня еще есть дела.

– Какие это дела на ночь глядя? – иронично прищурилась Анна.

– Тебе в подробностях или в двух словах? – хитро усмехнулся брат.

– Не нужно, я читаю между строк. Эрик, ты вообще собираешься как-то узаконивать ваши со Златой отношения? Неразрывная связь – это, конечно, хорошо, но принадлежность к аристократии накладывает определенные обязательства даже на магов, – совершенно справедливо заметила княжна.

– Э-э... – запнулся тот.

– Бэ-э, – передразнила его сестра.

– Ну собственно, эм-м... уже... – Князь смущенно потупился.

– Что «уже»?

– Я уже сделал ей предложение, месяц назад. Успешно, смею заметить.

– И молчал! Вот свинтус! – возмутилась Анна.

– Ну ты находилась в таком подавленном состоянии... – проямлил чародей.

– Дурак! Я тебе не картофельное пюре, чтобы меня давить! – вынесла вердикт Анна, шутливо толкнув брата в плечо. – Прощаю, иди отсюда.

Эрик исчез так же беззвучно, как и появился. Стоило ему испариться из комнаты, как чародейка скомандовала:

– Все, отлипай от потолка, конспираторша.

– Угу, – донеслось откуда-то сверху, и секунду спустя Арьята спрыгнула на пол.

– И как давно ты разобралась с этим заклинанием? – любопытствовала ее наставница.

– Где-то месяца полтора назад, – пожала плечами девчонка. – Эрик в отличие от тебя его не чувствует. Вот я и... гм... пользуюсь помаленьку. Подсматриваю за ним и... – Она осеклась и виновато засопела. – Только ты ему не говори, хорошо, а?

– Угу, – кивнула Анна, пытаясь сдержать мстительный смех. – Бедный Эрик...

Темное небо поблескивало яркими точечками звезд. Деревья, еще не полностью покрывшиеся листвой, превратились в изящное кружево, красующееся на иссиня-черном фоне уплотнившихся во тьму сумерек. Улицы опустели. Ночь пришла в Будапешт, накрыв город мягким бархатным покрывалом. Луна отсутствовала – старый месяц полностью скрылся, а новый еще не успел появиться. Лишь россыпь звезд на черном небосклоне посверкивала чистым неоновым светом. Тихо шуршал едва колыхаемый ветром прошлогодний бессмертник у кованой кладбищенской ограды...

Над острыми чугунными прутьями грациозно взметнулись две темные фигуры и мягко приземлились по другую сторону, чуть примяв сухую невзрачную траву.

– Что, обязательно было через забор лезть? – недовольно проворчала Арьята, осматривая полу куртки, махнувшую по остриям ограды. – Лень лишние сто метров до ворот пройти?

– А толку от этой лишней беготни? – хмыкнула Анна. – Ворота все равно закрыты. «Керепеши» – самое знаменитое кладбище столицы. – Чародейка наставительно подняла палец. – Памятник архитектуры, охраняемый государством, и все такое. Хотя за отсутствие нежити не поручусь, – добавила княжна. – Пока Хьюго был жив, он следил за тем, чтобы тут ничего не завелось, а сейчас не знаю. Так что держи заклинания наготове, а ушки – на макушке.

Они целенаправленно двинулись в глубь кладбища, беззвучно скользя среди каменных крестов и мраморных ангелов, сложивших ладони в молитвенном жесте или вздымающих карающие мечи. Остановились у простенькой каменной стелы в дальнем конце погоста. Вокруг нее даже оградку не возвели, а сам могильный холм почти сровнялся с землей.

– Мы пришли, – вполголоса сообщила княжна, зажигая небольшой световой пульсар. Синеватый свет упал на серое надгробие, выхватывая из темноты выбитую на камне над-

пись: «Хьюго де Крайто, мечник. Паладин Дипломатического корпуса при Единой всеблагой матери-церкви».

Чародейка резко вскинула руки, и трава подле ее ног расступилась, образовав круг голой земли полтора метра в диаметре.

– А теперь слушай меня внимательно, – обратилась она к испуганно притихшей Арьяте. – Вся наша защита отныне ляжет на тебя. Магия крови требует большой концентрации сил и внимания. Тем более что сейчас ночь, а я все-таки не некромант. – Княжна вытащила из сумки веревку и свечи. Отложив свечи, чародейка сложила бечевку в несколько раз и принялась завязывать узелки на равном расстоянии друг от друга. Покончив с этим занятием, девушка выложила веревку по окружности, оставив круг незамкнутым. Завязала на концах бечевки петли и вставила в них две длинные восковые свечи.

– А разве круг не должен быть замкнут? – удивилась Арьята.

– Этот – нет. Мы же не спиритический сеанс проводим, а душу ловим. Если я замкну круг, то скажи на милость, как наш блудный дух окажется в этой милой стекляшке? – Анна вытащила из сумки сферу. – Свечи – это маячки для врат в мир духов. Они откроют проход только для одной души, но это не значит, что их не появится больше, чем нужно. Заклятие зова не имеет конкретности.

– А ты уверена, что он придет? – озадаченно спросила ведьмочка.

– Уверена, – успокоила ее Анна. – Любая блуждающая душа хочет обрести либо тело, либо покой. В нашем случае я надеюсь на первое. Все же его тело еще живет и здравствует, а покой нам только снится. – Княжна уселась в центре круга, подогнув под себя ноги. – Встань точно у меня за спиной, – приказала она Арьяте. – Запомни: когда я начну звать душу Хьюго, то уже буду не в состоянии на что-либо реагировать. Поэтому ты меня боишься от всяких неожиданностей. И заготовь «сеть Миркла». А то вдруг наша душа заартачится и не захочет добровольно пройти во врата, тогда используешь заклятие и сделаешь привязку на сферу.

– А как она хоть выглядит, душа?

– Да ничего особенного, – пожала плечами Анна. – Так же, как и тело, только прозрачная. Кстати, не смущайся, ибо, скорее всего, он явится к нам обнаженным.

– Ой, да чего я там не видела, – небрежно отмахнулась Арьята. – Ладно если бы еще во плоти, а так – чего тут смущаться...

– Ах-кх, – закашлялась чародейка. – Хм... хорошо, проехали. – Княжна вытянула из кармана темный граненый флакон и показала ученице: – Заберешь его у меня. Инструкция номер два: как только душа окажется в сфере, моментально поставишь купол. Если я потеряю сознание, а скорее всего, так оно и случится, ты не пугаешься, не впадаешь в панику и не мечтаешь с воплями «что делать?!», а берешь этот флакон и вливаешь в меня его содержимое. Не вздумай отпаивать кровью. Ты еще не настолько хорошо контролируешь потоки энергии. А я буду не в том состоянии, чтобы успешно себя сдерживать. Ты меня поняла? Не геройствуй. Герои долго не живут.

Арьята усиленно закивала.

– Тогда приступаем.

Княжна отхлебнула из флакона и передала его ученице. Вытащив из ножен меч, воткнула его перед собой в землю. Взяла в руки сферу и провела по ней ладонью. Абсолютно цельная на первый взгляд стекляшка раскрылась лепестками. Анна поставила ее перед мечом. Осторожно извлекла из сумки три склянки и, откупорив, принялась отпивать из каждой, бормоча себе под нос:

– Eshen lir etera... Eshen ner hea... Eshen mit soera³... Прими кровь мою в уплату, – чародейка обхватила ладонью обоюдоострый клинок и провела рукой вниз – лезвие окрасилось кровью, – открой врата, и пусть явятся блуждающие, тобой не принятые.

Над землей разлилось тусклое свечение. Обряд шел как положено, но, чувствуя, что в него следует внести нечто личное, Анна подчинилась зову сердца и негромко запела песню, рожденную ее страстью к тому мужчине, которого она любила и не любила одновременно:

Мужчин встречала я немало,
Но вот твержу, судьбе грубя,
Что мне, похоже, не хватало
Для счастья в жизни лишь тебя.

Не раз из сердца прочь гонимый,
Уже не станешь ты другим,
Да будь ты проклят, нелюбимый!
Ведь мною ты навек любим.

Над нами зло судьба смеется,
В отместку нервы теребя,
Душа от мук любовных рвется
И погибает, не любя.

Они всегда незримо рядом,
Но каждый день воюют вновь,
Разделены огнем и ядом —
Любовь и наша «нелюбовь».

От бед молитвами хранимый,
Ты точно так же ищешь рай,
Да будь ты счастлив, нелюбимый!
Живи, дыши, не умирай!

И может статься, в край далекий
Мы улетим, как пара птиц,
Где свод небесный, синеокий
Мы силой чувств повергнем ниц.

Из двух сердец мы мир единый
Своим дыханием творим...
А где-то бродит нелюбимый,
Кто мною, как никем, любим...

Свечи на концах бечевки вспыхнули зеленоватыми огоньками, воздух вне круга уплотнился. Княжна певуче произнесла еще одну фразу на языке древних рас, и Арьята увидела множество нечетких теней, спешащих к проходу в круг. Все они перешептывались, толкались, каждая норовила первой достичь врат. И только один силуэт держался особняком:

³ Силой воздуха, данной мне по праву... Силой воды, полученной в дар... Силой земли, дающей жизнь (*старшая речь*)

высокая полупрозрачная фигура молодого мужчины с длинными волосами, белесым маревом расплескавшимися за плечами.

– Ох! – шокированно пискнула ведьмочка. – Хорошо хоть Анна предупредила меня насчет одежды...

Фигура приблизилась и застыла на границе врат. Арьята внутренне напряглась, растягивая в пальцах «сеть Миркла» и готовая в любой момент ее активировать.

– Lire t'e eska, ma dae, eneshi te sarient... aelle ne mea... – звала Анна.

– Моя жизнь и моя смерть... сделай шаг вперед... – машинально перевела Арьята последнюю фразу княжны ди Таэ.

Чародейка протянула руку в сторону полупрозрачной фигуры, и та шагнула ей навстречу. Сфера полыхнула белым, и стеклянные лепестки сомкнулись в единое целое, только теперь внутри нее неярко светилась серебристая звездочка живой человеческой души.

Души за кругом забеспокоились. Ведьмочка, мгновенно впитав «сеть Миркла» обратно в пальцы, накинула защитный купол, отделяя себя и Анну от беснующихся духов. Свечи полыхнули и погасли. Воздух пошел волнами, отхлынув от купола. По кладбищу пронесся резкий порыв ветра, похожий на разочарованный стон, и все стихло. Княжна безвольно привалилась к ногам ученицы. Арьята, склонившись над чародейкой, влила в нее остатки зелья из флакона. Та жадно глотала льющуюся в горло жидкость.

– Все нормально? – забеспокоилась ведьмочка, поддерживая чародейку за плечи.

– Угу, просто шикарно, – слабо откликнулась княжна. – Меня качает, как лодку в шторм. Зажги пульсар. У меня сил вообще не осталось. Я теперь до утра восстанавливаться буду.

Арьята щелкнула пальцами, и в воздухе повис светящийся оранжевый шарик.

– Но оно ведь того стоило? – неуверенно спросила девчонка.

– Стоило, Арьята, очень надеюсь, что стоило, – ответила княжна, убирая в сумку флаконы, свечи и сферу.

Глава 3

Приглушенный абажуром свет настольной лампы освещал шахматную доску, роняя блики на лаковые черные и белые квадратики, на вычурные игральные фигуры из камня и кости. Христобаль Саграда задумчиво перебирал пальцами по темному сукну письменного стола. Он начал эту партию несколько месяцев назад, и до нынешнего дня она шла в полном соответствии с задуманной им комбинацией. Команданте окинул взглядом доску, двинул вперед белую пешку, уводя ее из-под удара черного офицера, и принялся придирчиво изучать расстановку черных. Н-да, интересная сложилась ситуация... Сеньор Христобаль задумчиво потер подбородок и взялся за одну из черных пешек, еще не успевшую совершить свой первый ход. Внезапно зазвонил телефон. Верховный инквизитор, отставив фигуру, с недовольным видом потянулся к трубке.

– Да? – раздраженно проговорил он. – Это не имеет к нам никакого отношения! Нет!

Инквизитор рассерженно бросил трубку и вернулся к игре. Неодобрительно покачал головой: из-за несвоевременного звонка он поставил черную пешку не туда, куда собирался. Вместо того чтобы в два хода подвести ее под удар белой, он шагнул через клетку, и пешка очутилась под защитой черного коня и офицера. Инквизитор неопределенно хмыкнул. Белую пешку отдавать не хотелось, а черную нужно было убрать. Саграда подумал и все же двинул белую вперед, остановив за одну клетку от черной фигурки. Секундное раздумье – и черная выдвинулась ей навстречу, остановившись между конем и офицером. Белая пешка поднялась над доской, чтобы навсегда покончить с противницей, и... зависла в воздухе, удерживаемая тонкими смуглыми пальцами. Команданте тихонько выругался. Он понял: убить черную пешку сейчас означает отдать белую на расправу черному офицеру. Инквизитор недовольно поморщился и поставил белую пешку рядом с черной – так ей ничего не грозило. Сеньор Христобаль отодвинул шахматную доску. Пожалуй, хватит на сегодня. Все это просто игра...

Но судьба считала иначе...

Бумаги беспорядочной кипой громоздились на столе, придавленные тяжелой толстой книгой, чтобы не расплзались. Профессор откинулся на жалобно скрипнувшую спинку компьютерного кресла, озадаченно покусывая кончик шариковой ручки. Интересная складывалась картина. Ингвар Краковский, оказывается, успел накопать на инквизицию такой убойный компромат, что той впору было обивать гроб шелковыми кистями. А Профессору предстояло выбрать, что со всем этим теперь следует делать...

Криэ перевел взгляд на старую фотографию в простой темной рамке.

– Ингвар, Ингвар, ну почему мы так и остались полными раздолбаями, ищущими приключений на свою голову... – пробормотал он.

Фотографический двойник архиепископа Краковского ответил другу спокойным, все понимающим взглядом. Словно напоминал – в жизни все непросто. Страх – сдерживает, любопытство – подталкивает вперед, гордость – останавливает, а здравый смысл топчется на месте и ругается матом.

Профессор аккуратно снял с системного блока простую шахматную доску, давным-давно подаренную ему друзьями, ныне покойными. Посмотрел на недоигранную партию и принялся заново расставлять фигуры по местам. Давненько он не играл. Задумчиво повертел в пальцах фигуру белого офицера, решая, ставить его на доску или нет. Все-таки поставил. Пусть попристутствует на поле: хотя он сейчас и находится вне игры, но кто знает...

Криэ все же надеялся, что магам ди Таэ удастся воплотить в жизнь задуманный ими план. Так уж получилось, что Хьюго де Крайто стал его воспитанником, и посему Профес-

сор до сих пор считал себя ответственным за судьбу строптивного мальчишки, успевшего хлебнуть всякого. Ведь это он в свое время привел парня в отдел и уговорил Злату принять молодого мечника в ряды дипломатов. И именно он уговорил Хьюго не сжигать за собой мосты – не принимать монашеский чин при рукоположении⁴. Это был бы непоправимый шаг. Собственно, Криз вообще был против того, чтобы де Крайто становился священником, но юноша оказался упрям до невозможности. И вот куда завело его это упрямство! Но, может, еще не поздно все исправить?

Профессор окинул взглядом доску, поколебался и сделал первый стандартный ход «е2 – е4». Партия началась.

Злата Пшертневская беспокоило мерил шагами библиотеку в особняке князей ди Таэ. Красное кардинальское платье игриво шуршало подолом. Эрик следил за ней хищно-веселым взглядом кота, созерцающего беготню мыши. Дескать, бегай не бегай – а итог один.

– Что-то Анна долго отсутствует, – нетерпеливо вздохнула Пшертневская, глядя на часы. – Уже за полночь. – Женщина застыла посреди комнаты, задумчиво потирая подбородок.

– Да уж, – обиженно фыркнул чародей. – Как она смеет заставлять нас ждать! Нам вообще давно пора в постель.

– Эрик! – убедительно изображая ханжу, одернула его Пшертневская.

– А что я такого сказал? – изобразил святую невинность князь. – И вообще я у себя дома! Могу говорить и делать что захочу! – С этими словами маг молниеносно переместил кресло по комнате и усадил Злату к себе на колени.

– Эй, пусти немедленно! – возмутилась она. – А если кто-то зайдет?!

– Как зайдет, так и выйдет, – самонадеянно ухмыльнулся князь ди Таэ. – В конце концов, супружеский долг – вполне законное понятие, и поэтому я имею полное право соблазнять собственную жену, где и когда мне вздумается!

– Я тебе пока еще не жена, – попыталась возразить госпожа кардинал. – И не нужно превращать долг в аванс!

– Позволю себе заметить, что слово «жена» не является сугубо юридическим термином, – наставительно откликнулся Эрик, – и несет в себе куда более древний смысл, чем просто запись в церковной книге. Запись – это так, дань традиции всего лишь.

– В самом деле? – иронично уточнила Злата. – Знаешь, кажется, я начинаю понимать самок богомола, которые убивают партнера сразу же после первого спаривания.

– В смысле? – озадачился князь. – Почему?

– А чтобы потом не нервничать, женится он или не женится! – ехидно разъяснила госпожа кардинал.

Эрик немедленно напустил на себя отвлеченный вид, дескать, ко мне это не относится.

– Нет, Арьята, ты только посмотри! – донесся от двери возмущенный возглас. – Мы там работаем, рискуя жизнью и рассудком, а они тут развлекаются! – Анна ди Таэ стояла в проеме, опершись рукой о косяк. Ученица будто бы ненавязчиво поддерживала ее с другой стороны.

Пшертневская залилась смущенным румянцем и опустила глаза, не спеша, впрочем, убираться с колен Эрика, как сделала бы еще месяц назад.

– Развлекаемся? – иронично вздернул бровь князь. – Да нет, мы тут в поте лица и всех прочих частей тела из последних сил ждем, когда вы наконец сообразоволяете оторваться от разграбления могил и принесете нам благовую весть.

⁴ Рукоположение – одно из церковных таинств, в ходе которого человек получает статус священника.

– Не ерничай, – беззлобно огрызнулась княжна. Пошатываясь, она прошла через комнату и упала в кресло. Арьята устроилась рядом на подлокотнике.

– Ну как? – в один голос спросили Эрик и Злата, хищно подаваясь вперед.

– Хоть отдышаться дайте, нелюди! – вяло отозвалась Анна.

– Нет, Злата, ты только посмотри на нее! – изобразил праведное негодование князь. – Сама все затеяла, а теперь корчит из себя великомученицу!

– Я тебе сейчас «покорчу»! – угрожающе завопила чародейка. – Лучше бы чего-нибудь тонизирующего накапал, целитель!

– Перебьешься, – отмахнулся Эрик. – Ты и так уже флакон зелья вылакала.

– Ладно-ладно, я это припомню! – мстительно пообещала девушка, извлекая из сумки сферу с душой.

– Тебе удалось! – восторженно выдохнул маг.

– А ты как думал! – победно откликнулась княжна ди Таэ. – Хотя, признаюсь, это не совсем моя заслуга. Похоже, он сам хочет вернуться. Если бы не захотел, мы бы с Арьятой вряд ли его удержали. Я все-таки стихийный маг, а не шаман. И в мире духов чувствую себя неловко, как корова на льду.

– И что дальше? – деловито осведомилась госпожа кардинал.

– Теперь мы будем ловить тело, – невесело усмехнулась Анна. – Думаю, завтра на закате он придет за этим. – Чародейка выразительно покачала сферой. – Душа хочет вернуться обратно и зовет его, с каждым часом все сильнее. К тому же у тела есть кое-какое задание, касающееся вашей покорной слуги. – Княжна устало прикрыла глаза. – Злата, завтра мне потребуется церковный зал.

Пшертневская утвердительно кивнула: она договорится.

– И само собой, никаких лишних глаз, – добавила Анна.

– Я позабочусь, – пообещала Пшертневская.

– Анна, ты уверена в том, что делаешь? – тихо спросил Эрик ди Таэ.

– Глупый вопрос, – сердито откликнулась она. – Нет, Эрик, я ни в чем не уверена, теперь уже нет. Но я обязательно доведу это дело до конца, чем бы ни грозило мне его завершение... – Княжна расслабленно обмякла в кресле.

– Арьята?

– Да, мастер! – Ведьмочка с готовностью вскочила, умело распахнула окно телепорта и переместила Анну в спальню.

Князь задумчиво смотрел в одну точку. Пшертневская осторожно тронула его за плечо, а он ласково накрыл ее ладонь своей.

– Знаешь, – вполголоса проговорил маг, – не так давно я понял одну простейшую вещь... Смерть стоит того, чтобы жить, а любовь – того, чтобы ждать.

Чернота, разойдясь ртутными волнами, поглотила сознание, а каменный пол неприятно охлаждал затекший бок. Тело не слушалось. Запястья, спутанные тонкими кожаными ремнями, пульсировали тупой болью. Окровавленная майка прилипла к расплоскованному боку. Глубокие раны, вспоровшие кожу до самых ребер, горели так, словно туда по капле вливали расплавленное серебро. Радислава тяжело легла на спину и со стоном вытянула ноги. Она не знала, сколько времени прошло с того момента, когда ее выволокли из кабинета Саграды и швырнули в каземат. Она не знала, сколько времени вообще провела в цитадели инквизиции. День, два... вечность?..

«Эх, бог Один, одноглазый висельник, повелитель волков, хранитель скальдов, так-то ты заботаешься о своих детях?» – обиженно промелькнуло в мозгу. Оборотничка до крови закусил губу. Острые верхние клыки немедленно окрасились алым.

– Встать!.. – приказала она себе. – Встать, я сказала!

Сразу подняться не получилось. Пришлось откатиться к стене и для начала сесть, привалившись к ней лопатками. Девушка поднесла к лицу обвитые кожаными полосками запястья. Глупцы, они думают, что если накачать оборотничку специальным зельем, закрепителем ипостаси, то это станет панацеей от любой неожиданности... Ха и трижды ха! Да, она вряд ли сможет сейчас перекинуться, но зато обдурит их иначе, благо клыки у нее всегда при себе.

Радислава впилась зубами в сыромятные ремни, пропитавшиеся кровью. Сначала ее едва не стошнило, а потом накатило острое чувство голода. Спустя пару минут оборотничка дожевывала последний кусочек ремня.

«Что ж, для начала и это сойдет...» – хмыкнула она про себя, вспоминая, что некогда ей приходилось есть и куда более неприятную пищу.

Дожевав ремень, Радислава приняласьлизывать израненные запястья. Эх, жаль, боклизать не получится. Она просто физически не сможет так изогнуться. Девушка морщилась каждый раз, когда шершавый язык касался глубоких ссадин и все прикосновения отдавалось щиплющей болью.

«Ничего, казак, терпи, атаманом будешь!» – мысленно повторяла она любимую сказку наставника. Но самое главное для нее сейчас – дождаться, пока откроют дверь камеры. Пусть и одурманенная, она все равно остается оборотнем.

А солнце над городом медленно клонилось к закату, выкрашивая небо в багрово-огненные тона с примесью темных, чуть позолоченных по краям туч.

Анна сломя голову вспугнутой птицей летела по южному коридору церкви Святого Матиаша, ежесекундно оборачиваясь назад. По пятам за ней почти бесшумно неслась темная фигура, закутанная в пилигримский плащ, с каждым шагом нагоняющая утомленную бегом девушку.

...Все пошло не так с самого начала. Искомое «тело» появилось раньше, чем она предполагала. Видно, уж очень хотелось душе вернуться в свое уютное плотское обиталище.

Черт, а она ведь даже пентаграмму не начертила! Сидела на заднем дворе и ради успокоения нервов болтала с Виктором, едва не проворонив появление незваного, но вполне ожидаемого гостя.

– Задержишь его? – умоляюще спросила княжна, готовясь сорваться с места и кинуться в здание.

– О'кей, детка, но ничего не гарантирую. – Байкер подкинул на ладони метательный нож...

Когда Анна ввалилась в церковь, Виктор как раз сцепился с гостем, стараясь не поранить его бесценную оболочку. Судя по тому, что уже через минуту княжна заметила погоню, байкер недолго продержался, и она очень надеялась, что Виктор не сильно пострадал. Два воскрешения за один раз – это уже перебор.

«И бегали они долго и счастливо, – подумала княжна ди Таэ, в очередной раз обернувшись, – и умерли на одной полосе препятствий».

Анна опрометью влетела в главный церковный зал, споткнулась, рухнула и прокатилась по мраморным плитам, зеркально отполированным ногами многочисленных паломников. Все, дальше бежать некуда.

От алтаря навстречу ей метнулась черная смазанная фигура, мелькнули стянутые в хвостик пепельные волосы, свистнула, извлекаемая из ножен, катана. Архонт заслонил чародейку от преследователя, принимая бой. Клинки встретились, издав протяжный звон...

– Ри-ид! Он нужен мне живым! – предупреждая заорала княжна, поднимаясь на четвереньки, вытаскивая из кармана мелок и лихорадочно начиная чертить пентаграмму. Благодаря архонту у нее появилось необходимое для этого действия время. Девушка стара-

лась как можно быстрее закончить разметку. Краем глаза она заметила, как в зал ворвался запыхавшийся Виктор. Княжна окинула взглядом рисунок и добавила две силовые ловушки: объект должен подвергнуться неподвижной фиксации на срок не менее минуты. Иначе у нее ничего не получится!

– Отпускай! – крикнула она архонту. – Я готова!

Рид метнулся в сторону, пропуская в центр зала того, кого ранее знал под именем Хьюго де Крайто. Нелюдь рванулся вперед, занося меч для удара. Шаг, еще шаг, вот и пентаграмма... Анна взмахнула руками, и де Крайто неподвижно застыл ровно посередине рисунка, не имея возможности вырваться из наложенных на него энергетических оков. Меч вывернулся из непослушных рук и бряцнул о плиты. Княжна носком сапога откинула его куда подальше, извлекла сферу с душой из кошелька на поясе и поставила на пол у границы очерченного мелом круга. Выпрямилась, как отпущенная пружина. Бледно-золотистые волосы упали на лицо.

– Lire t'e eska, ma dae, eneshi te sarient...⁵ – Тихий голос чародейки разорвал тишину. Волосы, повинувшись непонятно откуда взявшемуся ветру, взметнулись светлым ореолом. – Eshen lir etera... Eshen ner hea... Eshen mit soera... Eshen sangre ma dea lire... Eleri najans ma eno... Nei ale...⁶

Княжна полоснула себя по ладони тонким стилетом. Несколько алых капель упали на сферу, и та раскрылась лепестками, выпуская душу на волю. Перед Анной возник призрачный силуэт.

– Ну же... ну... – стиснув зубы, твердила чародейка, чувствуя, как слабеют созданные ею энергетические пути.

Душа оглянулась, окинула взглядом зал и... шагнула вперед, к застывшему в пентаграмме телу, слившись с ним и издав тихий, едва слышный вздох удовлетворения.

В этот момент Анна перестала удерживать ловушки. Де Крайто словно подкошенный рухнул на пол. Княжна обессиленно пошатнулась.

– Спокойно, ma daeni, – поддержал ее архонт. – Я с тобой.

От дверей к ним подошел бледный настороженный Виктор.

Все трое напряженно смотрели на лежащего в пентаграмме юношу. В следующий момент тот вдруг конвульсивно дернулся, хватая ртом воздух, и открыл глаза – абсолютно живые, разумные и полные презрения. Анна обреченно повисла на плече Рида, глотая жгучие слезы разочарования. Он забыл... Забыл о том, что их связывало! Все... конец...

– Что вы со мной сделали? – хрипло, но требовательно спросил Хьюго, медленно садясь. Сейчас он видел перед собой именно тех двух существ, которых ненавидел больше всего в своей жизни. – Что это за бесовские шутки?!

– Виктор, – голос Анны был пуст и бесцветен, – отведите досточтимого отца Хьюго к Профессору, пусть он накапает ему валерьянки. А то от его воплей у меня разболелась голова. Отец Рид, вы не проводите меня домой? Боюсь, сама я не дойду.

– Разумеется, княжна, – услужливо отозвался священник, смерив де Крайто уничижительным взглядом, и повел Анну к выходу из зала.

Хьюго недоуменно тараторил вслед удалявшейся парочке.

– Давай поднимайся! – Байкер грубым рывком поднял парня на ноги. – Расселся тут! Просвиру тебе в селезенку!

– Уберите руки! – Пальцы де Крайто ультимативно сомкнулись на запястье Виктора.

⁵ Моя жизнь и моя смерть...

⁶ Силой воздуха, данной мне по праву... Силой воды, полученной в дар... Силой земли, дающей жизнь... Силой крови, предвечной и новой... Заклинаю тебя вернуться в тело твое... Отныне и навсегда...

– Я тебе уберу! Я тебе сейчас так уберу! – Мужчина отвесил ему подзатыльник. – Дви-
гай давай! Возиться с тобой еще!

– Вот уж не предполагал, что вы так тесно спутаетесь с этой бесовской поганью, –
осуждающе процедил Хьюго сквозь зубы и тут же получил увесистую оплеуху, снова загре-
мев на пол.

– Еще хоть раз что-то подобное вякнешь, и я тебя собственноручно на ремни разрежу, –
с угрозой прошипел байкер, вновь вздергивая его на ноги. – Запомни: ты этим двоим по гроб
жизни обязан...

– Кому и что я должен, уж как-нибудь сам решу, – огрызнулся Хьюго.

– Господи Всевышний, им все-таки удалось! – пробормотал Вилдар Криз, когда Виктор
фактически впихнул Хьюго в прихожую квартиры Профессора.

– Получите и распишитесь в получении, – мрачно пошутил байкер.

– Как я вижу, вы уже успели выяснить отношения, – неодобрительно произнес отец
Криз, оглядывая этих двоих. – Виктор, может, останетесь?

– Нет, Профессор, сами с ним возитесь, сил моих больше нет. Я – спать!

– Профессор, может, хоть вы мне что-то объясните? – почти жалобно попросил Хьюго,
едва за Виктором закрылась дверь.

– Объясню, по крайней мере попытаюсь, – обнадежил Вилдар Криз. – Ты проходи...
Тем более что тебе все равно придется пока пожить у меня.

Профессор был несказанно рад удачному завершению этой авантюры и, на секунду
задержавшись у шахматной доски, триумфально двинул вперед белого офицера – теперь он
точно в игре.

Темнота пахла дымом и гарью пожираемого огнем дерева. Яркими бабочками взмы-
вали в воздух красноватые искры. Местами древесина прогорела до углей и тлела внутрен-
ним жаром, а местами полыхала вовсю, лишь еще сильнее разгораясь. Пожираемые огнем
доски стонали от тяжелых шагов, все быстрее отбивавших ритм отчаяния. Огонь ревел, и
мост неумолимо рушился за спиной бегущего по нему человека. А он упрямо несясь по про-
гибающемуся настилу, уже осознавая, что ему не успеть. Пламя окружало, шло по пятам,
норовило лизнуть длинные черные волосы, спутанной гривой развевавшиеся за плечами,
а искры оставляли на его коже красные отметины. Он бежал по этому мосту в сотый раз,
прекрасно зная, чем это закончится, и все равно бежал. Он не привык сдаваться, даже если
исход неравного поединка с огнем был предрешен.

Впереди мелькнула легкая серебристая тень. Она всегда появлялась здесь, за пово-
ротом. Эта фигура тоже бежала по мосту, выбиваясь из сил. Девушка с длинными жем-
чужно-русыми волосами. Она почти летела, опережая его на несколько шагов, – манящее
светлое пятно, блуждающий путеводный огонек...

Вот осталось совсем немного. Сегодня он успеет, точно успеет. Он видел обрывистый
берег, стремительно приближающийся, наплывающий на них из линии тумана. И тут мост
со стоном и треском рухнул прямо за ним, сожженный огнем. Светловолосая незнакомка
сделала последний рывок и звериным прыжком преодолела оставшееся до берега рассто-
яние. Мост обрушился у нее за спиной. Последнее звено моста провалилось непосредственно
перед ним, оставив под ногами лишь тот охваченный пламенем островок, который вот-вот
обвалится в темную пропасть. Он резко притормозил у края. Незнакомка на берегу оберну-
лась, призывно протягивая руку. И он прыгнул! Все равно прыгнул, даже зная, что он не
смог и не успел... Это конец.

Его ладонь бессильно скользнула по холодным девичьим пальцам и схватила пустоту.
За спиной раскрылась ненасытная бездна. Рот искривился в беззвучном отчаянном крике.

Девушка стояла на коленях у обрыва, провожая его взглядом, полным боли. В ее глазах плескался расплавленный янтарь. Темно-карие зрачки расширились. Она что-то говорила... Губы шевелились, но он не слышал. Он сумел уловить всего одно лишь слово: «Вернись!» – и продолжил свой смертельный полет вниз, в пустоту. Полет в никуда...

Виктор резко сел на кровати, обливаясь холодным потом. Говорят, в жизни ко всему можно привыкнуть. Этот повторяющийся от ночи к ночи кошмар преследовал его на протяжении нескольких последних месяцев, но он к нему так и не привык, каждый раз просыпаясь с ощущением ледяного ужаса в груди и затылке.

– Нужно что-то с этим делать, – пробормотал байкер, проводя рукой по лицу. – Иначе я окончательно свихнусь.

Оружейник встал, оделся и спустился в гараж. Раньше ночные прогулки всегда спасали его от самого себя, помогая избавиться от любых наваждений. Ветер и скорость напрочь выбивали из головы все порождения сна, душевная боль притуплялась, а воспоминания утрачивали мучительную остроту. Хотя можно ли сбежать от своего прошлого?

Впрочем, другого лекарства у него нет. Придется воспользоваться проверенным рецептом. Взревел мотор, и свет прожектора вспорол густую тьму апрельской ночи...

Мотоцикл птицей летел по трассе, разрывая тишину, рассеивая темноту светом фары. Ветер свистел в ушах, трепал густые спутанные волосы. Виктор упивался ночью и скоростью, несясь по пустынной дороге прочь от города. Трасса свернула под сень леса, едва ли не вплотную примыкавшего к Будапешту. Лес появился здесь лет десять назад, возникнув сам по себе, что выглядело довольно странно. Он просто появился, и все. Живой, самостоятельный организм, сознательно выбравший для себя место в мире. Наверное, у него тоже есть свои мечты, цели и воспоминания. Лес, идущий своим жизненным путем. Однажды утром жители предместий увидели его у себя за окнами, приняли этот факт и смирились...

Деревья куполом смыкались над трассой, превращая ее в странный шуршащий тоннель. Внезапно в придорожном подлеске метнулась какая-то тень, стремительно выпрыгнув на дорогу. Виктор, не ожидавший ничего подобного, резко вывернул руль и ударил по тормозам. Мотоцикл занесло, едва не крутануло юзом и швырнуло на бок. Байкер вылетел из седла, прокатился несколько метров по земле и застыл, неловко распластавшись на траве. Переднее колесо еще крутилось, все замедляясь. Прожектор уныло глядел куда-то вбок.

Спустя минуту-другую Виктор со стоном перевернулся на спину, соображая, все ли кости целы. Кажется, все. Он осторожно сел. В ушах звенело. Пришлось потрясти головой, избавляясь от этого неуместного звука. Немного придя в себя, байкер, пошатываясь, встал на ноги.

– Ч-черт... – только и сумел вымолвить он, разглядев распростертую на дороге крупную серую... Да, кажется, это была собака. – Черт, только этого мне еще не хватало! – обескураженно выдохнул мужчина.

Сбить животное – плохая примета. Виктор склонился над собакой. Та неподвижно лежала на земле и тихонько поскуливала.

– Ох, ё... А ведь это не я тебя зацепил, а, собачка? – пробормотал байкер, рассматривая глубокие длинные раны у нее на боку. Они никак не походили на те, какие мог оставить мотоциклетный протектор. Серая шерсть слиплась от крови.

– Кто же это тебя так?

Но собака конечно же не ответила, а лишь умоляюще смотрела на него янтарными глазами, наполненными одиночеством и страданием. Глазами, показавшимися ему странно знакомыми.

– И что прикажешь с тобой делать? Ясно одно: я тебя здесь не брошу, – растерянно вздохнул Виктор. – Подожди немного, я сейчас проверю, что там стало с моим байком... – Мужчина перевернул мотоцикл. – Вроде все в порядке, ничего важного не сломано.

Он вернулся к собаке и осторожно поднял ее на руки.

– Ого, какая ты большая... Уф-ф... – Оружейник бережно погрузил животное на мотоцикл и завел мотор. – Ну что, красавица или красавец, поехали кататься?

Дома Виктор более тщательно рассмотрел подобранное им животное, действительно оказавшееся «красавицей».

– Нет чтобы девицу, вопиющую о помощи, подобрать, так я собак подбираю, – самокритично фыркнул байкер, состригая слипшуюся от крови шерсть и обрабатывая жуткого вида глубокие раны на боку животного. Пару раз он, видимо, слишком сильно задел разорванные мышцы, и собака попробовала его укусить. Она слабененько ухватила оружейника за кисть. На большее у бедняжки элементарно не хватило сил.

– Ну пардон, дорогая, я не специально... – извиняющимся тоном буркнул Виктор, уважительно косясь на длинные белые клыки, щелкающие в сантиметре от его ладони.

Наконец он закончил бинтовать ей бок и перенес на плед, постеленный на полу.

– Надеюсь, там тебе будет удобно, дорогуша, – вздохнул байкер, сидя на корточках напротив нее. Собака, вытянувшись на здоровом боку, то ли заснула, то ли отключилась.

Мужчина опустился на кровать и задумался, устало наблюдая за животным. Серый бок с белой полосой повязки мерно вздымался. Наверное, все-таки уснула. Байкер уронил голову на руки.

– Господи, ну и денек сегодня! – вслух посетовал он.

Внезапно Виктор резко вскинулся и застыл с открытым ртом, ибо при упоминании Господа очертания собаки внезапно подернулись дымкой и расплылись. Он недоверчиво потер глаза – наваждение не исчезло. Контур тела животного искажались и переплавлялись, полускрытые трепещущим маревом... Прошла еще секунда, и на пледе беспомощно вытянулась миниатюрная девушка с длинными, разметавшимися жемчужно-русыми волосами. Она была полностью обнажена, если не считать замысловатого узора татуировки, оплетавшего торс и руки, да клочьев повязки, свисавшей с бока.

– Мамачки... – шокированно прошептал байкер, нашаривая в кармане телефон и набирая номер княжны ди Таэ. – Чур меня! Чур!

– Мм?... – донесся из трубки сонный голос.

– Анна, спаси меня, я сошел с ума! – простонал в трубку Виктор.

Хьюго неловко вытянулся на диване в квартире Профессора. Он чувствовал себя смертельно уставшим.

Что же с ним случилось? Криз лишь сокрушенно покачал головой, рассматривая изможденное заострившееся лицо своего воспитанника. Достал аптечку, придвинул пуф и уселся рядом.

– Я даже спрашивать не стану, кто тебя так отделал... – проговорил он, промывая глубокие, уже начавшие воспаляться порезы на груди парня. – Судя по характеру ран, здесь поработала катана отца Рида.

Хьюго поморщился при упоминании имени архонта.

– А синяк на подбородке – это уже работа Виктора, у нашего досточтимого коллеги весьма тяжелая рука, – дотошно перечислял Профессор, продолжая проводить инвентаризацию боевых ран своего воспитанника. – Единственным неразрешимым вопросом для меня остается твоя скула. – Криз осторожно ощупал распухшую щеку де Крайто. – Не подскажешь, чьих это рук дело?

– Я не знаю, – пожал плечами юноша.

– Ладно, не знаешь так не знаешь, – покладисто пробормотал Криэ, заканчивая обрабатывать раны и подавая парню чистую рубашку. – Надень, а то ты похож на оборванца.

– Пожалуй, мне лучше вернуться домой.

– Это куда, интересно? – иронично хмыкнул Вилдар.

– Профессор, что происходит?! – раздраженно воскликнул Хьюго. – Я ничего не понимаю, я запутался. Сначала я покидаю Братиславу, затем является эта ведьма ди Таэ, а потом я прихожу в себя уже посреди каких-то бесовских знаков. Виктор непонятно с чего начинает грубить и в конце концов... – Взгляд молодого священника упал на отрывной календарь, висящий на стене. – Эй, а почему там двенадцатое апреля, если сегодня двадцатое июня?! – Хьюго резко сел, морщась от боли.

– Потому что, мой мальчик, ты умер полгода назад, – устало откликнулся Вилдар Криэ, опускаясь в кресло. – Вот такие дела!

– Я? Умер? Что за бред! – оторопел де Крайто. – Профессор?!

– Успокойся и выслушай меня, – осадил его Криэ. – Около полугода назад ты действительно умер – погиб при исполнении, как было указано во всех документах. Мы тебя отпели и похоронили на кладбище «Керепеши». А то, что ты практически не помнишь последние месяцы своей жизни, – вполне нормально. Посттравматическая амнезия. Но не волнуйся, со временем память восстановится.

– Но...

– Я же просил не перебивать! У меня возникает такое ощущение, будто я вновь твой наставник, а ты – непутевый подросток!

– Простите, Профессор. Я слушаю, продолжайте. – Хьюго смирился, покорно закрыл глаза и откинулся на спинку дивана.

– Я не ведаю всех подробностей того задания, – вздохнул Криэ. – Все случилось довольно спонтанно. У нас снова начались проблемы с инквизицией. Расхлебывать кашу, которую заварил Саграда, выпало Анне и отцу Риду. Ты присоединился к ним в самый последний момент. Все это дело едва не закончилось тотальной катастрофой для отдела. Ситуация вышла из-под контроля. Мы недооценили инквизицию и в результате... – Профессор взволнованно облизнул пересохшие губы. – Мы потеряли тебя и едва не потеряли Риду и княжну ди Таэ! – выпалил он, проводя ладонью по лицу так, словно стремился стереть паутину траурной печали. – Причем если бы не твои решительные действия, отдел лишился бы не одного тебя, а всех вас троих.

Хьюго удивленно возрился на Профессора, не осмеливаясь поверить в услышанное. Тот ответно взглянул на де Крайто и невесело усмехнулся:

– Что, не веришь? Я не в курсе всех подробностей, Хьюго. Точно знаю только то, что они выжили благодаря тебе. Если хочешь получить подробности, поговори с отцом Ридом. Тебя похоронили как положено, но на следующий же день кто-то вскрыл могилу и забрал тело... И не нужно на меня так смотреть. Мы ничего не смогли выяснить. Все выяснилось само полгода спустя. Тебя увидела Арьята, ученица магов ди Таэ. Ты сейчас вряд ли ее вспомнишь, а вот девочка тебя узнала. Собственно, тогда мы и заподозрили неладное. Проанализировав все, пришли к неутешительным выводам, – вздохнул Вилдар Криэ. – Тебя подняли из могилы, воскресив тело каким-то противоестественным образом. А для осуществления этого злодеяния кто-то использовал ее... Сарагосскую рукопись! – помолчав, пояснил он.

Хьюго почувствовал, как мысли сбиваются в запутанный клубок, а его захлестывает терпкая волна неясных видений, сотканная из разрозненных воспоминаний, обрывков непонятных ментальных картин и смутных догадок...

...Ночь... чужой город... дым... крики тысяч сущностей, клубящихся в водовороте пространственного вихря... крыша... магическое противостояние и корчащаяся в лучах энергии княжна ди Таэ, спустя секунду безвольно обвисшая у него на руках... И голос, голос неизвестного менестреля, срывающий каменную маску безразличия с его души... Тогда он изменился, стал другим, начал новую жизнь...

– Хьюго, эй! – Профессор встряхнул его за плечо, вырывая из туманного забытья. – Ты как?

– Я в порядке, со мной все нормально, – вяло откликнулся он. – Кажется, я начинаю что-то вспоминать... Рассказывайте.

– Инквизиции каким-то образом удалось восстановить твоё тело. Не спрашивай как, – я не маг. Из тебя сделали живую куклу-марионетку. Тело без души.

Хьюго в ярости сжал кулаки. Кукла инквизиции... О господи!

– Положение спасла Анна ди Таэ, – продолжил Вилдар. – Отважная девушка решилась на рискованный и опасный эксперимент – вернуть тебе душу. Как видишь, ей это удалось, – снова усмехнулся Криэ.

Де Крайто ошеломленно уставился на Профессора. Она вернула ему душу? Анна ди Таэ? Нет, это невозможно, она же его ненавидит! Черт, что вообще с ними происходит? И почему так тошно, словно ему вернули душу, но взамен забрали сердце?!

– Полагаю, тебе стоит отдохнуть – прервал Криэ поток сумбурных мыслей своего воспитанника. – Твои вещи здесь, я забрал их из церкви ещё полгода назад, потом разберёшь.

Христобаль Саграда раздражённо щёлкнул выключателем и погасил настольную лампу, погрузив кабинет в темноту. Утомлённо откинулся на широкую жесткую спинку кресла. С отвращением выбросил в мусорную корзину пустую упаковку из-под обезболивающего, которое все равно не смогло унять противную тянущую головную боль, начинавшуюся от висков и пульсирующими толчками уходившую куда-то в глубь мозга. Команданте знал, что через несколько часов она утихнет сама, а до этого любые меры бесполезны.

Свет, даже минимальный, раздражал. И сеньор инквизитор предпочитал сидеть во тьме, лишь бы хоть немного уменьшить неприятные ощущения, навалившиеся на него сразу после заката. Команданте с нажимом помассировал виски. Это надо же так досадно вляпаться, так просчитаться... Магический откат разорванных энергетических нитей здорово хлестнул по рецепторам.

Инквизитор поморщился – ему даже думать сейчас было больно.

Ну кто же мог предугадать, что этой девчонке удастся совершить то, что не удалось в своё время некроманту Высшего круга. Саграда недоумевал, гадая, как Анна ди Таэ, стихийный маг, смогла повернуть такое дело, пусть даже опираясь на магию крови. Ночь – не её время, а мир духов – отнюдь не её вотчина. И тем не менее княжне удалось осуществить задуманное. Более того, она сумела разбить чары, наложенные магом на порядок сильнее её. Нейтрализовать «марионетку» второго уровня с привязкой на сознание – это вам не фунт изюму. А стерва ди Таэ – смогла. Причем не частично, что ещё можно было бы допустить, а полностью, вытравив чужую матрицу из ментальной ткани разума де Крайто. Правда, сейчас у молодого священника наверняка наблюдается частичная амнезия, но это слишком слабое утешение...

Масла в огонь подлила ещё одна досадная неприятность: девушка-оборотень – второй козырь задуманной им игры – сбежала. И один бог знает, как ей это удалось – полностью одурманенной, неспособной сменить ипостась, избитой и замученной.

– Вот что значит неистребимая воля к жизни, – саркастично хмыкнул сеньор Христобаль и чуть не взвыл от очередного приступа боли.

Ладно, оборотнича – это не такая уж и проблема. В своем теперешнем состоянии она далеко не уйдет. Наверняка сдохнет на окраине или привлечет внимание кого-нибудь из горожан. Найти ее – дело техники. Куда худшим сюрпризом стало то, что Пшертневской удалось вернуть Хьюго де Крайто.

Что ж, похоже, игру придется начинать с нуля.

Саграда недовольно вглядывался в сумрак из-под сурово сдвинутых бровей. Правду говорят: скупой дважды платит, а хитрый – дважды делает. И было бы перед кем бисер метать, комбинации выстраивать. Инквизитор с нажимом проскреб ногтями по темному сукну, покрывавшему письменный стол. Проще нужно действовать, господа. Проще – оно всегда эффективней.

Сеньор Христобаль на секунду задумался. Что же он хочет получить в результате? Власть? Нет, она у него уже есть – спасибо, наелся досыта, извините за каламбур. Мечь? Она ему не нужна. Некому мстить, ибо у него давно не осталось ни учителей, ни врагов, ни друзей. Все ушли, легли в землю. Так зачем все это?..

Ответ вырисовывался довольно глупый – он просто хочет чувствовать себя живым, выстраивая все эти ходы и комбинации. Он хочет ощущать себя живым хотя бы через чувство злости или минутного удовольствия от удачного хода. Больше для него ничего не осталось. В глубине души он жутко боится смерти и стремится любой ценой избежать ее ледяных объятий. Ведь она найдет что ему предъявить. Он избавился от всего прочего, как от ненужного рудимента. Он отбросил любовь и дружбу, поправ веру и предал Бога, ибо Господь так и не соизволил даровать ему вечную жизнь. Что ж, тогда он возьмет ее сам. Он купит ее в обмен на множество чужих, загубленных им судеб. Он желает получить все! Таковым стал его осознанный выбор, и выбор этот добровольный. А тот, кто ему этот выбор предложил, уже давно гниет в земле вместе со своей семьей.

Сеньор Саграда криво усмехнулся, извлекая из ящика стола обернутый тканью фолиант. Раскрыл его на одной из закладок и углубился в чтение. Боль потихоньку отпускала, а он прекрасно видел в темноте...

Глава 4

Телефон надрывно жужжал, сотрясая тумбочку у кровати и заставляя ходуном ходить фужер с водой, большой старинный будильник и маятник в виде лепрекона, сидящего на качелях. Из-под одеяла выпросталась рука, вслепую нашаривая беснующийся мобильный. Княжна ди Таэ невероятно хотела спать. И не дай бог сейчас скажут, что ошиблись номером!..

– Мм?.. – сонно промычала она, приняв вызов.

– Анна, – невнятно простонала трубка голосом Виктора, – спаси меня, я сошел с ума!

– Я догадалась, – буркнула сонная княжна. – Только сумасшедший может звонить измотанной, уставшей и морально подавленной ведьме в два часа ночи! Тебе жить надоело?

– Я серьезно! – Голос байкера срывался.

– Ладно, чего тебе? – подобрела чародейка.

– Я сбил собаку...

– Чего?!

– Я сбил собаку. В общем, не сбил, а так... Ну не я и не совсем сбил, а она – девушка... – донеслось из трубки сбивчивое объяснение.

– Так. Еще раз. Кого ты сбил, собаку или девушку? – уже более серьезно спросила Анна.

– Я ее не сбивал! То есть думал, что сбил, но это не так. Забрал домой, смотрю, а это уже не собака, а девушка... Анна, это шиза, да?

– Успокойся! – прервала друга княжна ди Таэ. – Ничего не предпринимай, я через пять минут буду у тебя. Разберемся, что там с твоей собачьей девушкой.

– Она не моя! – сдавленно возразили из трубки.

– Без разницы.

Появившись на пороге комнатки Виктора, княжна узрела поистине странную картину: восседавшая на байкере голая татуированная девица усердно пыталась его придушить, а тот вяло отбивался. Анна, здраво оценив ситуацию, спустила свой любимый «пыльный мешок», подкрепленный сонным заклятием. Агрессивную дамочку отшвырнуло к стене, где она и осталась лежать, сладко посапывая. Чародейка заботливо склонилась над кашляющим и хрипящим байкером.

– Я в порядке, детка, – сипло откликнулся он, садясь.

– Сейчас посмотрим насколько. – Княжна осмотрела пострадавшую шею Виктора. – Тебе крупно повезло, что у тебя такие крепкие мышцы и кости. Синяками отделался, – радостно сообщила она.

– С ней что? – озадаченно спросил мужчина, подходя к своей несостоявшейся убийце.

– Усыпила, – откликнулась Анна. – До утра будет баиньки, как младенчик.

Байкер поднял девушку на руки и перенес на кровать.

– Нет, ну внешне – мышшь мышью, а сил – как у медведя, – озадаченно пробормотал он.

– Хе, я думаю, для нее не проблема скрутить в бараний рог мужчину и покрупнее тебя, – фыркнула чародейка. – Учти на будущее: она оборотень, причем истинный. Виктор, я же просила тебя ничего не предпринимать, – укоризненно добавила княжна. – А вот не появись я вовремя?.. А?

– Да я ее просто на кровать хотел перенести. Она без сознания была, раненая к тому же, – оправдывался байкер.

– Это я и имела в виду, – тяжело вздохнула Анна. – Ладно, где ты ее нашел?

Байкер успокоился и уже более внятно пересказал историю своего «знакомства» с оборотничкой, попутно помогая Анне перевязывать девушку.

– Господи, такое ощущение, что ее использовали в качестве боксерской груши – вся в кровоподтеках! – жалостливо воскликнула чародейка.

– Угу, ты на запястья посмотри. – Виктор поднял худенькую руку оборотнички, оплетенную темной вязью татуировки.

– Н-да... – авторитетно прокомментировала княжна, приподнимая девушке веко и с любопытством рассматривая зрачки. – И как она в подобном состоянии еще и перекинуться смогла? Ее же закрепителем ипостаси накачали, только что из ушей не течет!

– Захочешь жить, еще не то сделаешь, – хмыкнул байкер.

– Угу. Виктор, ты только не смейся... – Анна покусывала губу. – Я ее знаю.

– В смысле – знаешь? – не поверил он.

– Мадрид. Год назад. Это та самая бардесса. Я тебе рассказывала.

– И что теперь с ней делать? – осведомился мужчина, решив не говорить о том, что оборотничка уж очень сильно напомнила ему девушку из кошмара, преследовавшего его на протяжении последнего месяца.

– А я знаю?

– Слушай, детка, может, ты ее забереешь?

– Ты в своем уме?! Мне только оборотня для полного счастья не хватало! У меня дома с одной стороны влюбленная парочка зажигает, с другой – малолетняя ученица стенает о неразделенной любви. А на работе меня поджидает мною же воскрешенный священник, страдающий паранойей пополам с амнезией. Ты что, так искренне желаешь моей смерти? – издевательски предположила Анна.

– Нет, конечно, детка, но просто сама посуди: какое у меня жилье? И потом, если в доме холостяка появляется женщина, то это все – тушите свет, сушите весла! И вообще, единственное существо женского пола, которому позволено находиться на моей кровати, – это ты! – закончил приводить свои аргументы Виктор.

– Это ты так говоришь только потому, что я не посягаю на твое ложе, а довольствуюсь тумбочкой, – усмехнулась княжна, присаживаясь на указанный предмет мебели. – Виктор, – чародейка посерьезнела, – если рассудить по уму, так ты даже мне ничего не должен был о ней говорить. Об остальных наших коллегах я вообще молчу. Ты представляешь, какой поднимется шум, если руководство узнает, что на территории отдела... нет, на территории церкви находится истинный оборотень?

– Армагеддец полный наступит, – мрачно откликнулся байкер.

– Именно он, – вздохнула Анна ди Таэ. – Посему пусть она пока остается у тебя. Тайно! У оборотней хорошая регенерация. Думаю, денька через три ее раны полностью затянутся. А я к тому времени найду противоядие от той дряни, которой ее накачали.

– Значит, три дня?

– Три дня, – убедительно пообещала чародейка.

– Хорошо, три дня я потерплю, – скрепя сердце согласился Виктор.

– Угу, – зевнула княжна. – Возникнут проблемы – звони. Но утром я и так зайду. – И она исчезла в окне телепорта.

Насыщенный терпкий аромат только что сваренного кофе игриво щекотал чувствительные обонятельные рецепторы, ничуть не считаясь с отупляющим действием дурманящего эликсира. Кофе, безусловно, настоящий, в зернах, причем отнюдь не из дешевых сортов, о чем и свидетельствовал приятный запах. Растворимая бурда пахнет жжеными семечками, а заварная дешевка имеет куда менее насыщенный аромат. Это вам объяснит

каждый знаток и ценитель благородного напитка, а Радислава принадлежала именно к их числу...

Оборотничка засопела, втягивая воздух. Ноздри затрепетали, улавливая соблазнительный запах. Кофе она любила. Причем именно Кофе – с большой буквы. Ароматный, крепкий и жутко сладкий, плюхая в чашку по пять-шесть ложек сахара. Извращение, конечно, но что поделаешь, если ей нравился именно такой. А если к нему еще добавить солоноватые греночки из белого хлеба, обжаренные в яйце и молоке... Ум-м-м...

Девушка мечтательно вздохнула и открыла глаза. Ее взору немедленно предстал низкий деревянный потолок, весь в разводах сырости. Сразу же выяснилось, что Радислава лежит на узкой продавленной кровати, укутанная в одеяло чуть ли не до подбородка. Насколько менестрелька смогла понять, из одежды на ней имелась только добротная повязка на боку, если, конечно, таковую можно считать за одежду. Девушка окинула испытующим взглядом небольшую комнатку, больше всего напоминавшую давно неубираемую кладовку. Хмыкнула, разглядев под потолком одинокую лампочку без абажура, с интересом поизучала книжную полку и наткнулась глазами на высокого черноволосого мужчину, снимавшего турку с электроплитки в одну конфорку.

Радислава с сомнением закусила губу, пытаясь вспомнить предыдущие сутки. Получалось не очень. Кажется, ей все же удалось сменить ипостась, когда она выбралась из каземата, а потом... Потом она вроде бы кинулась под колеса какого-то транспорта... Дальше в памяти присутствовал огромный пробел.

Мужчина обернулся и, увидев, что она проснулась, ободряюще улыбнулся. Тут Радиславе стало совсем нехорошо: именно этого типа она вчера едва не убила, когда ее вышвырнуло обратно в человеческий облик. Тогда оборотничка почти не контролировала себя. К счастью (или к несчастью?), попытка убийства успехом не увенчалась, но синяки на шее у несостоявшейся жертвы остались воистину знатные. Лицо незнакомца, некрасивое, но достаточно приятное, пересекал тонкий белый шрам, шедший от брови через скулу до самого подбородка.

– Привет, мышка, – с энтузиазмом произнес он, подсаживаясь на кровать с кружкой, от которой исходил терпкий кофейный аромат. Голос у него был резкий, с хрипотцой, будто когда-то сорванный, но так полностью и не восстановившийся. Так случается, если долго выкрикиваешь бессильные ругательства, насылаемые на голову могущественного врага. Оборотничка знала о таком отнюдь не понаслышке. Она мрачно глянула на незнакомца и столкнулась с черными смеющимися глазами.

– Ты не священник, – вынесла вердикт менестрелька, изучив сутану, небрежно распахнутую на груди мужчины, и медный крест, болтавшийся на кожаном шнурке.

– Ну извиняй, семинариев не кончали, – беззлобно фыркнул собеседник.

Радислава села, едва успев подхватить уползающее одеяло.

– Эм-м... пардоньте за вчерашнее, – проговорила она. – Не в себе была.

– Я заметил. – Виктор ухмыльнулся, проследив за взглядом девушки, вожаком сосредоточенным на кружке у него в руке. – Кофе будешь?

– Ты что, яду туда подсыпал? – саркастически осведомилась ночная гостья.

– Если тебе не хватает сахара, то где-то в гараже мышьяк завалился, могу поискать, – продолжая ехидно скалиться, в тон ей ответил хозяин комнаты.

«М-да, чувство юмора у этого человекообразного, похоже, то еще», – подумала Радислава. Не сумев подобрать подходящие для ответа слова, она цапнула протягиваемую кружку и поспешно прикрыла ею свое лицо.

Дверь скрипнула, и на пороге нарисовалась высокая светловолосая девушка. Стройная и аристократичная, красивая необычной, какой-то одухотворенной красотой.

– О, вижу, вы уже нашли общий язык, – усмехнулась она, вместо того чтобы поздороваться.

– И тебе наше большое с кисточкой, – не растерялся Виктор.

– Можешь пока выйти? – попросила Анна. – Мне нужно осмотреть твою гостью.

– Ой, да чего я там не видел, – протестующе хохотнул байкер, фризово подмигивая оборотничке.

– Не знаю я, что ты видел, – философски пожала плечами чародейка, – но выйди, пожалуйста!

Виктор понял, что лучше не спорить. Княжна явно пребывала не в самом лучшем расположении духа. И посему ему не оставалось ничего иного, кроме как ретироваться за дверь.

Оборотничка заинтересованно разглядывала Анну ди Таэ. Радислава тут же узнала эту девушку, хотя они и встречались всего лишь один раз – год назад, в Мадриде. Оборотничка никогда не жаловалась на память, лица запоминала с лету, особенно глаза. Особенно – такие потрясающие глаза.

– Узнала? – хмыкнула чародейка.

– Узнала, – не стала отрицать менестрель, затем спросила, кивнув на дверь: – Твой мужчина?

– Упаси меня бог от такой головной боли! – совершенно искренне опротестовала Анна. – Нет, он просто друг, хороший друг, на которого можно положиться.

– В смысле – он любит, чтобы дама была сверху? – с невинным видом намекнула Радислава.

Этот нескромный вопрос заставил княжну закашляться.

– Сама у него спросишь, – выдавила наконец она.

«Н-да, чувство юмора у этой дамочки весьма и весьма, хм...» – отметила про себя чародейка, пытаясь таким образом приглушить невольную симпатию к незваной гостье, откуда-то возникшую у нее в сердце. Симпатизировать оборотню? Извините, это нонсенс!

– Как ты себя чувствуешь? – с профессиональным любопытством спросила Анна.

– А как, по-твоему, может себя чувствовать оборотень, которому отсекали половину сущности? – сердито огрызнулась Радислава. – Даже когти выпустить не могу!

– Все ясно, постараюсь что-нибудь придумать. Мне тоже когда-то волосы отрезали, – понимающе вздохнула чародейка. – Я тут принесла тебе кое-что из одежды. Наверняка окажется великовато, но все же лучше, чем ничего. Нет, я знаю, что чувство стыдливости у оборотней стремится к нулю, но согласись, костюм Евы – не самый лучший вариант для выхода в свет.

Оборотничка презрительно фыркнула, но принялась потрошить принесенный Анной пакет.

Княжна вышла, оставив Радиславу рыться в одежде. Все, что ей было нужно, чародейка уже выяснила. Менестрель даже не пыталась экранироваться, позволив Анне ди Таэ прошерстить ее воспоминания...

Виктор преувеличенно деловито ковырялся в мотоцикле, что-то откручивая гаечным ключом и тихонько, но от души поругиваясь.

– Ну как? – не отрываясь от механизма, спросил он, заметив Анну.

– Не вижу в ней ничего особенного, – резковато откликнулась она, пожав плечами. – Оборотень как оборотень. Думаю, к завтрашнему вечеру ее уже тут не будет.

– Угу, – буркнул мужчина. – А ты что такая дерганая с самого утра? Какая муха тебя укусила?

– Эрик застукал меня, когда я рылась в его эликсирах, разыскивая противоядие.

– И?

– Пришлось ему лапшу на уши вешать. Сказала, что искала лекарство от головной боли. И знаешь, что эта ехидина мне посоветовала?

– Ну?

– Топор! – выпалила княжна.

Виктор зашелся раскатистым хохотом. Анна зло плюнула и пошла прочь. Байкер лишь покачал головой, утирая выступившие слезы.

«Ничего, перебесится и успокоится, – подумал он, глядя вслед удалявшейся чародейке. – От плохого настроения еще никто не умирал».

Для многих из нас каждое, ну или почти каждое утро начинается неизменно. Несмотря на возможные катаклизмы вроде прорвавшейся трубы или приступа страсти у соседей за стенкой, обычно стандартное начало дня – «будильник – ванна – кофе – работа». И подобный расклад не меняется годами, медленно, но верно убеждая нас в нерушимости основ мироздания. А когда мы случайно оказываемся исключенными из жизни на какое-то время, то потом неминуемо вновь попадаем в наезженную колею и погружаемся в привычное «будильник – ванна – кофе – работа», не особо травмируя свою психику. Но если вдруг в этом привычном круговороте возникает некое незапланированное отклонение, вот тут и начинается цирк. И рушатся казавшиеся такими стабильными основы мироздания, и отвисает невольно челюсть, и возникает в голове соответствующий вопрос: «Куда это я попал и где мои вещи?» Ибо нечто основополагающее мы все-таки упустили, а что обиднее всего – еще и вспомнить не можем, что конкретно. И вот взираем мы на этот факт, глупо хлопая глазами и пытаемся понять: «Сошел ли я с ума или как раз собираюсь это сделать?»

К несчастью, Хьюго де Крайто начал подозревать в себе именно первое. Ибо когда он вместе с Профессором вошел в кабинет Златы Пшертневской, госпожа кардинал мило общалась с князем Высокого дома Эриком ди Таэ, а тот лобызал ей ручки, не встречая никаких возражений... Хм, и не только ручки!

Хьюго не удержался и шокированно протер глаза. Профессор деликатно кашлянул, привлекая внимание чересчур увлекшейся парочки...

Ручку госпожа кардинал мгновенно отняла и смущенно потупилась, делая вид, будто она вообще не имеет ни малейшего отношения к происходящему. Князь, одарив пришедших ехидной усмешкой, эффектно исчез в телепорте. Хьюго еще раз протер глаза. Когда он видел этих двоих вместе в последний раз, Эрик ди Таэ и Злата Пшертневская вели грандиознейшие словесные баталии, которым могли бы позавидовать даже величайшие ораторы древности. Причем не просто позавидовали бы, а изошли ядовитой слюной.

А сейчас... Хм, нет, он определенно упустил что-то важное!

– Рада вас видеть в добром здравии, Хьюго, – корректно произнесла женщина, прервав поток его мыслей, касающихся основ мироздания, на первый взгляд обманчиво кажущихся столь незыблемыми.

Де Крайто сдержанно поклонился в ответ, все еще переваривая свежеполученную визуальную информацию.

– Я надеюсь, вы вскоре сможете вернуться к своим обязанностям в отделе. Нам все это время очень вас не хватало, – улыбнулась Пшертневская.

– Да, госпожа кардинал, – кивнул он. – Думаю, я восстановлюсь до конца этой недели. А сейчас я бы хотел восполнить некоторые пробелы в знаниях.

– Ах да, конечно. Малый архив в вашем полном распоряжении. Пообщайтесь с коллегами. Думаю, это окажется полезно. И... – Злата на секунду запнулась. – И вам бы не помешало навестить князя ди Таэ. Согласитесь, изукрашенное синяками лицо – это не совсем то, чем должен выделяться сотрудник Дипломатического корпуса.

Де Крайто щелкнул каблуками, приняв к исполнению полученную рекомендацию, и молча вышел. Профессор остался стоять там же, где и стоял, из чего Пшертневская сделала вывод, что Криэ пришел не только в качестве сопровождающего своего воспитанника.

– Похоже, вы с князем повергли его в растерянность, – усмехнувшись, констатировал господин Вилдар. – Впрочем, не стану вас упрекать. Сам пару раз попадал в подобные щекотливые ситуации.

Злата хихикнула: о бурной молодости Профессора она была весьма наслышана.

– Но разговор, собственно, пойдет не об этом. – Криэ задумчиво потер переносицу. – Пани Злата, мне необходимо уехать сегодня. Возможно, на целый день. Ставлю вас в известность.

– С чего вдруг такая предупредительность? – немного опешила Пшертневская. Обычно Профессор мог исчезать и появляться без предупреждения, когда ему вздумается, ни перед кем не отчитываясь.

– С того, что это касается того самого дела, над которым я сейчас работаю, – многозначительно вздохнул он. – Мне нужно навестить в обитель Святого Михаила близ Будапешта. Очень надеюсь, в их архивах сохранились интересные меня записи.

– Хорошо, – разрешила Злата. – Поезжайте. Но все же мне не нравится, что вы в это ввязались.

– Знаете, если бы нам все нравилось, то жить было бы неинтересно, – грустно усмехнулся Профессор, выходя из кабинета госпожи кардинала.

Де Крайто в нерешительности застыл перед дверью лаборатории, раздумывая, стоит ли ему перебороть гордость и войти или ну его к монахам – и так заживет.

– Хьюго, прекратите танцевать под дверью чечетку и зайдите наконец! – донесся с той стороны слегка раздраженный голос. Дверь распахнулась сама собой, едва не съездив молодому священнику по лбу.

Князь восседал в центре комнаты, скрестив руки на груди, и недовольно поглядывал на де Крайто. Тот смущенно замешкался на пороге. Дверь захлопнулась, выразительно ударив юношу ниже пояса и заставив его сделать шаг вперед.

– У меня что, клыки изо рта торчат? Или нимб над головой мигает? – желчно пошутил Эрик, с помощью импульса вытаскивая на середину комнаты табурет.

– Н-нет! – Хьюго насупился.

– В таком случае почему вы так пялитесь? И не нужно меня бояться, я же не зубной лекарь! Садитесь.

Юноша нехотя взгромоздился на предложенный табурет.

– И вообще я вожусь с вами только потому, что Злата попросила, – злорадно добавил маг.

– А как же кодекс целителя? – с ехидцей осведомился Хьюго, начиная потихоньку восстанавливать свою всегдашнюю самоуверенность.

– Ну вы же не истекаете кровью, – вернул словесную подачу Эрик, ощупывая парню подбородок и скулу.

Священник ощутил легкое покалывание и дернулся от неожиданности.

– Еще раз так сделаете, просто обездвижу, – пригрозил целитель, накрывая ладонью его скулу.

Де Крайто почувствовал, как немеет половина лица. Чародей прикрыл глаза, сосредоточившись на исцелении. Лучи энергии нехотя пробивались к телу сквозь ментальную ауру мечника. Князь едва сдержался, чтобы не закусить губу. Кто бы ни вспорол молодому священнику скулу, этот «кто-то» является весьма незаурядной личностью. Темной лично-

стью. Ментальный отпечаток получился такой, что без помощи целителя рана заживала бы несколько месяцев, оставив после себя рваный шрам.

– Все. – Маг устало откинулся на спинку кресла. – Идите отсюда.

– А...

– Малый архив дальше по коридору, если вы забыли. – Эрик недвусмысленно указал на дверь.

Де Крайто не придумал ничего лучше, кроме как подчиниться и выйти прочь. Князь задумчиво смотрел ему вслед. Странно, но сейчас он совсем не ощущал того кокона боли, который так сильно противодействовал ему в прошлый раз, мешая лечению этого человека...

Малый архив спецотдела представлял собой длинную узкую комнату с высоким сводчатым потолком и стеллажами, от пола до верха забитыми папками и рукописными книгами. Воздух, насыщенный книжной пылью, нестерпимо щекотал нос. Хьюго не сдержался и чихнул. Господи помилуй, ему предстоит провести в этом склепе несколько часов, перечитывая отчеты коллег за последний год. Несколько часов в пыли и полумраке, рискуя заработать аллергию и посадить зрение. Интересно, и как этот архонт при необходимости высиживает здесь сутками? Впрочем, неудивительно, что он слеп, как крот.

Хьюго неприязненно оглядел стеллажи и обреченно вздохнул. М-да, ничего не поделаешь. «Общаться с коллегами» он жаждал меньше всего, а посему придется примерить на себя роль археолога и буквально вгрызться в гору отчетов...

Де Крайто мстительно саданул кулаком по шкафу и направился к столу, стоявшему в глубине архивной кишки. Шаги гулким эхом разносились по помещению. Остановившись у одного из стеллажей, он снял несколько архивных папок. «Мадрид» – значилось на верхней. Что ж, свои отчеты тоже иногда полезно перечитать. Хьюго уселся за стол и углубился в чтение...

Через несколько часов упорного ковыряния в продуктах бюрократического бумагомазания он уже чувствовал себя книжным червем в самом прямом смысле этого слова. Вдобавок Хьюго убедился, что единственным сотрудником отдела, который систематически вел подробную отчетность о своих действиях, является он сам. Его отчеты оказались самыми полными, иногда даже чересчур, тогда как отчеты остальных его коллег грешили скупой лаконичностью и оставляли желать лучшего.

Например, Виктор излишне увлекался второстепенными деталями, по большей части уделяя внимание каким-то ляпсусам, абсолютно не касающимся дела. А если и описывал проделанную работу, то сугубо с субъективной точки зрения, перемежая деловой текст неуместными комментариями. Отчеты Рида производили впечатление чего-то нечитабельного, отчасти напоминая сборник библейских баек, а отчасти – записи взбесившегося кардиографа. Княжна ди Таэ вообще подошла к вопросу отчетности изобретательно: прочитать записи можно было только с разрешения автора. В противном же случае читающий находил в бумагах некую непонятную криптографию вперемешку с каббалистикой. Нет, несколько отчетов она все-таки удосужилась написать нормально, но и они являли собой такую загадочную систему сокращений, что непосвященный видел там лишь маловразумительное: «К. ф-р, х-р и к-го ч. М. и Ск. Не аф. и т. д.».

Хьюго с отвращением закрыл последнюю папку и отложил ее на край стола. Потер уставшие глаза и с хрустом потянулся, расправляя затекшие плечи. Архивная подшивка того злополучного последнего задания не могла похвастаться информативностью и состояла из одного-единственного отчета, вдобавок еще и написанного Ридом. Похоже, мечнику все-таки придется поговорить с архонтом. Он встал и направился к двери...

Распотрошив принесенный Анной пакет, Радислава, к своему вящему удовольствию, обнаружила там все необходимое. Особенно порадовали кеды. Они, правда, оказались чуть великоваты, как и вся прочая одежда, но привередничать не приходилось.

В комнату заглянул хозяин этого малокомфортного помещения, справился о самочувствии гостя. Просветил, что еда находится в холодильнике, а душ и прочие удобства – внизу, о чем свидетельствовала лестница, спускающаяся из дальнего угла комнаты. Потом ушел, бросив напоследок, что его самого следует искать в гараже, если что-то понадобится. Несмотря на приветливость, он явно пребывал не в восторге от того факта, что в его комнате появился временный жилец, вернее, жилища. Впрочем, оборотничка и не собиралась тут надолго задерживаться. Конечно, она благодарна этому странному типу за то, что он не бросил ее на дороге, хотя, честно говоря, менестрель рассчитывала на абсолютно иной эффект от своего поступка. Она хотела умереть, но... Но кто же знал, что у этого парня фактически звериная реакция... Все равно он лишь немного отсрочил неизбежное. Лишенная способности менять ипостась, она проживет не больше года, медленно теряя рассудок. Так зачем еще оттягивать? Она и так достаточно долго цеплялась за этот мир. Надоело!

Радислава взглянула на мигающий электронный циферблат на стене: до заката оставалось около шести часов. Что ж, время еще есть... Перекусить, что ли? Серьезными делами на пустой желудок не занимаются. Даже в том случае, если это дело – собственная смерть.

Хьюго случайно столкнулся с архонтом в тот момент, когда тот уже выходил из отдела, направляясь домой. Де Крайто его окликнул, и Рид недовольно обернулся. Что ж, рано или поздно это должно было случиться.

– Пойдите, нам нужно поговорить!

– Вы уверены, святой отец? – холодно осведомился архонт.

– Да, хотя я предпочел бы убить вас, а не разговаривать! – огрызнулся де Крайто.

– Надо же, какой пафос, – криво усмехнулся архонт. – Но мыслим-то мы, оказывается, одинаково. – Проигнорировав заявление коллеги, он двинулся вниз по улице.

Хьюго нагнал его и, схватив за плечо, резко развернул к себе:

– Если для того, чтобы поговорить, мне придется приставить вам клинок к горлу, клянусь, я это сделаю!

Рид только презрительно фыркнул:

– Что вам нужно?

– Подробности нашего общего последнего задания.

– Отчет в архиве.

– Я знаю, – раздраженно подтвердил де Крайто. – Я его видел. Но это же не отчет, а кардиограмма! Я хочу знать, каким образом в моей гибели оказались замешаны вы с Анной ди Таэ и...

– Отомстить? – саркастично перебил его Рид. – Хьюго, не будьте глупцом. И вообще, по возможности, забудьте, что вы умирали. Да, и не вздумайте задавать подобные вопросы княжне ди Таэ. Один бог знает, что ей пришлось пережить из-за вас. – Рид отвернулся и торопливо зашагал прочь, показывая, что разговор окончен.

Хьюго ошеломленно смотрел ему вслед. И что теперь? Кажется, у него нет другого выхода, кроме как поговорить с княжной ди Таэ.

Нынешний день выдался каким-то серым, ветреным. Весеннее тепло, уже начавшее обосновываться в городе, внезапно сменилось холодными порывами насквозь пронизывающего ветра, несущего клубы мелкого мусора. На улицах вновь стало пыльно.

Анна встала и прикрыла распахнутое окно. Кажется, свежего воздуха на сегодня достаточно, если она не хочет заработать воспаление легких. Чародейка вернулась на место и

вновь взялась за ручку, с головой окунувшись в скопившуюся за последнее время документацию. Правда, в данный момент она, подобно нерадивой школьнице, списывала отчет у Виктора, время от времени прерываясь, чтобы подумать, как заменить конструкцию «...и в этот момент шарахнуло так, что уши увяли, отпали и больше не вернулись» на что-то более официальное.

Когда Анна в очередной раз задумалась над тем, как нормальным языком описать ситуацию «когда этот прохаванный чувак ну совсем заклевал», дверь распахнулась и в кабинет ворвался до крайности возбужденный Хьюго де Крайто. Глаза юноши пылали огнем, губы тряслись от едва сдерживаемого возбуждения, а частый ритм сбившегося дыхания гремел, словно ангельские литавры. Внутренне вздрогнув, внешне княжна осталась безупречно невозмутимой и даже не сочла нужным поднять на него глаза.

– Что вам нужно, святой отец? – невнятной скороговоркой осведомилась она, не отрываясь от бумаг.

– Либо вы мне все рассказываете, либо... – Хьюго ультимативно завис над ней, упершись руками в столешницу.

– Всего я вам не расскажу, ибо, хоть убейте, не помню формулу дискриминанта квадратного уравнения, – насмешливо отозвалась девушка, не отвлекаясь от отчета.

– Вы что, за идиота меня держите?!

Княжне очень хотелось ответить: «Да», но она сдержалась.

– Я хочу знать, что произошло с нами около полугода назад! – напирал юноша.

– А какая вам, собственно, разница? – Анна наконец соизволила оторваться от бумаг и подняла на него глаза. – Вы ведь живы, здоровы и ничуть не утратили своей всегдашней воинственности. Следовательно, у вас нет оснований обвинять меня в причинении какого-либо ущерба.

– Какая мне разница?! Какая МНЕ разница?! Я прихожу в сознание, лежа посреди пентаграммы, на меня сыплются оскорбления, а я даже вспомнить не могу, чем обязан! Потом мне заявляют, что я, оказывается, умер! И загадочно кивают в вашу сторону! Вот какая мне разница! – зашелся в крике де Крайто.

– Хьюго, шли бы вы отсюда, пока я вас в жабу не превратила, – ровным тоном предложила Анна. – Я только что из-за вас посадила кляксу на отчет, теперь придется его заново переписывать. – Под конец в ее голосе прорезалось раздражение.

– Я не уйду, пока вы мне все не расскажете!

– Меньше будете знать, крепче станете спать, – огрызнулась чародейка, вытягивая чистый лист из пачки бумаги. – Да и Эрик на снотворном экономит!

– Что?! – едва не задохнулся от гнева де Крайто. – Да как вы смеете?! По вашей милости я еще и не помню ничего! А потом накатывает волна бреда! Половина отдела косится на меня, как на ненормального, чтобы, не дай бог, я вас не затронул! Потому что вам ой как плохо! Из-за чего, хотелось бы знать?! Почему-то, когда вы измывались надо мной, никто так не переживал! Лучше на все закрыть глаза, да?! – Священник в запале махнул рукой и сбил чернильницу. Стеклоянная емкость подлетела, перевернулась на бок и плюхнулась на стол, расплескав содержимое.

– Ну хватит! – Княжна ди Таэ поднялась, резким броском отвоевав стол. – Хотите знать, да?! Так вот, это я вас убила, слышите!.. Я вас убила тогда, заколола своим мечом, собственными руками! Довольны?!

Хьюго ошеломленно отступил на шаг назад, развернулся на каблуках и опрометью кинулся вон из кабинета.

– Только вам плевать, что это была случайность! – крикнула ему вслед Анна, обессиленно падая в кресло и закрывая лицо руками. – Господи, – с раскаянием прошептала она, – что я наделала...

Княжна поднялась и, словно зомби, направилась к выходу, не забрав даже висящую на вешалке куртку.

Ветер гнал по серому небу клочковатые обрывки туч, обещавших затяжную сырость, подергивал рябью неспешно текущие воды реки и трепал золотисто-русые пряди волос, выбившиеся из-под ремешка. Хьюго механически брел по набережной, не обращая внимания на летящую в лицо пыль. А в висках пульсировало раскаленными каплями: «...я вас убила... довольны?..»

Первым его желанием, когда он выбежал на улицу, было хорошенько треснуть обо что-нибудь головой, лишь бы избавиться от бьющихся в мозг слов. Потом немного отпустило, а внутри осталось лишь чувство жгучей пустоты. Воспоминаний не было. Ему досталось лишь звенящее эхо услышанных слов и неотступно стоящее перед глазами лицо княжны ди Таэ, искаженное болью.

– Да когда же это кончится!

Последнюю фразу он прокричал вслух, привлекая внимание немногочисленных прохожих. Кто-то недоуменно пожал плечами, кто-то повертел пальцем у виска. Хьюго мысленно застонал и метнулся в первый попавшийся переулок. Пробежав несколько метров, юноша вылетел на пустынную улочку и отрешенно привалился к шершавой стене ближайшего дома...

Княжна ди Таэ, ссутулившись, потерянно брела по улице, засунув руки в карманы брюк и понутив голову. Внутри сердца перекачивалась противная холодная пустота. Пару раз она налетала на прохожих, один раз едва не угодила под колеса конного экипажа. Но ей было все равно. Как же Анне все это надоело – доказывать непонятно кому, что ничего не случилось... А ведь на самом деле случилось, еще как случилось. Она дважды убила свою любовь – тогда и сегодня...

Анна свернула на безлюдную улочку.

«Нет, нельзя превращаться в размазню... – Чародейка стиснула зубы. – Нельзя! Если бы можно было отмотать все назад, как пленку в магнитофоне...»

Княжна тяжело привалилась к серой шершавой стене на углу какого-то здания.

Хьюго вздрогнул так резко, словно его прошел электрический ток, и вынырнул из какого-то мутного облака, обволакивавшего сознание. Магия... Где-то совсем близко. Священник напрягся. Он слишком хорошо знал этот магический след. Как же это нелепо – стоять по разные стороны одного угла.

– Вновь глупая случайность, – проговорил он, упершись затылком в стену.

– Всего лишь глупая случайность, – глухо донеслось с той стороны.

– Когда их слишком много, они перерастают в закономерность.

– Когда их слишком много, начинаешь верить в чудеса, – сердито вздохнула княжна. –

И... промахиваешься.

– Даже если бьешь на поражение, – предположил он.

– Даже если, умирая, отрекаешься, – усмехнулась она.

– Отрекаешься? – встрепенулся он. – От чего или от кого?

Ответом ему стало молчание.

Хьюго стоял, прислонившись к стене, а в голове проносились обрывки воспоминаний. Сначала неясные, а потом все более отчетливые.

Мадрид... Мальборг... боль, слишком много боли, своей и чужой. Тело, корчащееся в белых сполохах, безумная битва двух крылатых... Распластавшийся на каменных плитах архонт. Предсказанный шаг вперед, совершенный обреченным на смерть – на смерть во

спасение, ради выполнения когда-то данной клятвы... Летящая стальная молния, холодный пульсирующий комок в груди. Изумрудно-зеленые глаза чародейки, полные ужаса и боли. Он все понял, но понял слишком поздно и произнес не то, что хотел, а то, что должен был произнести... Ох нет, он сказал именно то, что требовалось сказать ради ее спасения, а желанное и выстраданное – не успел...

Он вспомнил все.

Княжна ди Таэ, обхватив себя за плечи, медленно сползала по стене, давясь всхлипами.

«Нет-нет, нельзя плакать, нельзя, ты слышишь?!... – билось у нее в голове. – Он не поймет, он все равно не ответит...»

Кто-то подхватил ее, поставил на ноги. Девушка непроизвольно вцепилась в чужую одежду.

– Господи, да вас же всю колотит! – Хьюго заботливо накинул ей на плечи свой плащ. – Вот так. Я глупец, нужно было сделать это раньше!

Анна сдавленно всхлипнула и разрыдалась в полную силу.

– Тсс, тихо... – Де Крайто нежно прижал ее к себе. – Тихо... Успокойтесь, я вас прощаю!

Замерев на секунду, княжна отстранилась, вывернувшись из рук священника.

«Он что, опять надо мной издевается? – мелькнула мысль. – Думает, мне нужно его прощение?» Плащ соскользнул на землю. Девушка холодно взглянула на священника, отвернулась и побрела прочь, свернув за угол злополучного дома. Невысказанные слова наплыли сами собой, складываясь то ли в песню, то ли в исповедь:

Не хулите ее при всех,
И без вас к ней судьба строга,
Ведь тяжелый, бесспорно, грех —
Полюбить своего врага.

Что ей жизнью в миру дано,
Кроме долгих ночей ненастья,
Где блудило сто лет оно,
Это горькое бабье счастье?

В спину шепот людской молвы —
Настигает ударом ловко,
За красу и за ум все вы
Обозвали ее чертовкой.

Чья здесь правда и чья вина?
Не сложилась судьба иначе...
Вновь с бедою своей, одна,
Среди ночи в подушку плачет.

Новый день, за окном рассвет —
Жизнь не пишут с пустой страницы:
Ты оплеванной выйдешь в свет
Легкой поступью белой птицы.

На руках не вода, а кровь,
Но надежда в душе гнездится:

Может, ей за одну любовь
Десять тысяч грехов простится?

Пей же участь свою до дна!
Что законы тебе, что запреты —
Наказала себя сама,
Обречла жить с любовью этой...

— Анна, подождите! Анна, я давно хочу рассказать вам о своих чув... — Хьюго кинулся за ней, но в переулке уже никого не было.

Чародейка материализовалась в гостиной особняка князей ди Таэ. Эрик вскинулся, оторвавшись от толстого фоллианта.

— При... — Маг запнулся. — Анна, ты что, плакала? Сестренка!

Княжна обессиленно плюхнулась в кресло. Князь ди Таэ остановился напротив нее.

— Глупая, — сочувственно вздохнул он, беря ее за руку. — Плачь, открытые слезы легко высыхают, а тайные оставляют шрамы на душе. Плачь, пока еще можешь это делать. Если можешь плакать, значит, ты еще жива. А если ты еще жива, то должна бороться за свою любовь!

Анна с рыданиями уткнулась брату в плечо. Князь безмолвно гладил ее по голове. Сам он в последний раз плакал, когда ему едва исполнилось пятнадцать лет.

Глава 5

– Не понял... – удивленно произнес Виктор, оглядывая комнату. – Она что, ушла? – Он еще раз внимательно окинул взглядом свое жилье. Обратнички нигде не было. – Час от часу не легче, – пробормотал он, набирая номер княжны ди Таэ.

Его сердце заняло от нехорошего предчувствия. Мобильный выдал очередь длинных гудков – не отвечают. Виктор набрал еще – то же самое. Он уже собрался попробовать позвонить до чародейки в третий раз, но тут телефон издал пищущую трель – поступил входящий вызов.

– Да, Профессор... Заглохли в полчасе езды от Будапешта? А при чем тут я? Позвоните князю, пускай он вас заберет... А-а-а, вы колымагу бросать не хотите... В смысле? Вы что, сдурели? Через полчаса стемнеет, как я там смогу ремонтироваться!

– Значит, постарайтесь приехать до темноты! – донесся из трубки раздраженный голос. – Вы у нас штатный механик или кто?!

Байкер негромко выругался – не день, а дурдом!

Не успел Виктор выехать из города, как обнаружилось, что трассу, проходящую по краю леса, перегородило поваленное дерево, возле которого сустились люди, пытаясь убрать его с дороги. Пришлось сворачивать и добираться до нужного места в объезд, углубившись в чащобу. Под пологом деревьев, еще не совсем покрывшихся листвой, сумерки сгущались значительно быстрее. Байкер очень надеялся, что ему не придется долго искать Профессора на дороге. Времени у него оставалось в обрез, да и аккумулятор в телефоне почти разрядился. Широкая укатанная тропа начала сужаться, приближаясь к озеру. Тогда он спешился, заглушил мотор и несколько метров тащил мотоцикл волоком.

Виктор резко остановился и прислушался. Нет, ему точно не показалось... Со стороны озера доносился чей-то тоскливый вой, здорово похожий на волчий. Мужчина вгляделся в просветы между деревьями. На выворотне, лежащем у самого обрыва, кто-то сидел, но байкер был отнюдь не уверен, что это волк. Вскоре природное любопытство оружейника взяло верх над осторожностью. Прислонив мотоцикл к дереву, он начал подбираться к озеру. Деревья не подходили вплотную к обрыву, оставалось метра два свободного пространства. Байкер выбрался на открытый участок и остолбенел: на выворотне располагалась его случайная гостя.

Обнаженная простоволосая девушка тоскливо выла, запрокинув голову. Виктор едва сдержался, чтобы не отступить назад. Этот пронзительно-безнадежный вой завораживал и обездвиживал. Обратничка пела песню, адресованную вполне конкретной слушательнице, и та уже спешила сюда. Оружейник почти физически ощутил, как сама смерть приближается к обрыву, прорывая тонкую пелену пространственного барьера. Смерть слышала обращенный к ней призыв и спешила прийти... Почему же она спешила? Мужчине казалось, что еще чуть-чуть, и он поймет, о чем эта песня. Воздух перед девушкой подернулся рябью и начал сгущаться. Байкер закусил губу, пытаясь вспомнить нечто важное, ведь он и сам уже видел такое однажды. И тут до Виктора дошло, что именно собирается сделать эта ненормальная. Мужчина рванулся вперед в мощном прыжке...

Радислава шагнула с выворотня вниз. Внезапно чужие цепкие пальцы впились в запястье и рванули ее назад, развернув на сто восемьдесят градусов. Кто-то сильно встряхнул обратничку за плечи...

Виктор резко развернул девушку и потрянул, как тряпичную куклу.

– Совсем ненормальная?! Ты что надумала?! – возмущенно рявкнул байкер, трясая ее словно грушу.

Радислава не сопротивлялась, слабо соображая, что с ней происходит.

– Эй! Да ответь же! О, черт!

Девушка начала медленно оседать на землю. Серая рябь в воздухе разочарованно чавкнула и нехотя рассосалась. Мужчина плюхнулся на колени возле повторно спасенной им строптивицы, отстегнул от пояса флягу и влил несколько глотков воды в приоткрытые губы оборотнички. Та закашлялась, хватая ртом воздух, и непроизвольно вцепилась в сутану Виктора.

– Ну что с тобой прикажешь делать, а? – вздохнул он, стаскивая приглянувшуюся менестрелю часть одежды и укутывая девушку. Затем поднял ее на руки. – Ну лягушка-путешественница, домой?

«Профессор меня убьет, – подумал Виктор, проходя в комнатку и укладывая несостоявшуюся самоубийцу на кровать. – Эх и свалилась же ты на мою больную голову...»

Радиславу бил озноб. Ее трясло от холода и одновременно – от ужаса. Этот тип точно ненормальный. Он, видно, не понимает, что именно сделал?!

– Хм... Жара, кажется, нет... – задумчиво произнес Виктор. – Кажется, где-то в шкафу завалился пузырек валерьянки, сейчас накапаю. Тут у всех нервы ни к черту.

Он пошарил на полках шкафа и с победным возгласом вытащил из-под кипы небрежно скомканной одежды флакончик из темного стекла.

– Вот так, – пробормотал оружейник, наблюдая за тем, как жадно оборотничка пьет воду с лекарством, гулко цокая зубами о стакан.

– По-прежнему колотит? Сейчас плед достану.

– Н-не уходи, – сдавленно просипела менестрель, резко садясь и цепляясь за байкера. – Не уходи.

– Эхм... – Виктор слегка опешил. – Да я и не собирался вроде.

Тело оборотнички обмякло, и она стала заваливаться набок.

– Э-э! Тихо, тихо... – Мужчина сгреб ее в охапку.

Радислава судорожно хваталась за его рубашку.

– Слушай, лучше тебе лежать, – вздохнул Виктор. Но отцепить девушку от себя оказалось той еще задачей.

– Не отпускай, прошу, не отпускай, – глухо всхлипнула она.

– Кто тебя в таком состоянии куда отпустит, – успокоил ее байкер. – Конечно, нет. Никуда я тебя не отпущу, мышка.

В ответ донеслось приглушенное всхлипывание.

– Ох, мне только слез не хватало. Ну зачем ты сырость разводишь, а?

Девушка непроизвольно подняла на него глаза. Виктор столкнулся с ней взглядом, чувствуя, как его затягивает в этот янтарный омут.

Утро княжны ди Таэ началось с просто великолепной головной боли – неизбежного последствия вчерашних нервных перипетий. Разыскивая Эрика, а заодно роясь в шкафах, пытаясь найти хотя бы лекарство, чародейка наткнулась на противоядие от закрепителя ипостаси. Затем ей удалось забрать у трактирщика вещи оборотнички. Пара простеньких шаровых молний, пущенных вдоль стен заведения, – и хозяин уже лепечет ей вслед, что, дескать, госпоже менестрелю гитара и сумка куда нужнее...

В отделе Анна неожиданно налетела на Профессора, костерившего Виктора на чем свет стоит. При этом сам байкер еще не появился. Арьята вцепилась в княжну как клещ и жаловалась на отца Рида, совсем не обращающего на нее внимания. Сам архонт едва не

сбил их с ног: он брел по коридору, уткнувшись в какую-то книгу. Княжне наконец удалось переключить внимание ученицы непосредственно на объект ее вожеления и выбраться на задний двор. К этому времени она хотела убить всех.

Анна поднялась по скрипучим деревянным ступеням в комнату над гаражом. Дверь, как всегда, оказалась не заперта. Княжна застыла на пороге, удивленно вскинув брови и сиюсь правильно воспринять представшую перед ней картину...

Жемчужно-русые волосы перепутались с угольно-черными. Радислава мирно посапывала на плече у байкера.

Чародейка заметила, что Виктор не спит, иронично наблюдая за ней из-под опущенных ресниц. Княжна ди Таэ жестом поманила его к двери. Мужчина осторожно, стараясь не разбудить девушку, выбрался из-под одеяла. Княжна скользнула взглядом по испещренному шрамами торсу...

– Штаны надень, идиот! – сердито прошипела она, подкрепив сказанное соответствующим жестом, и вышла из комнаты.

Спустя минуту к ней присоединился Виктор.

– И кто там утверждал, будто единственным существом женского пола, которому ты позволяешь находиться в своей кровати, являюсь я? – насмешливо осведомилась княжна.

– Я смиренно жду наказания, – покаянно склонил голову байкер, пытаясь сдержать улыбку.

– Если расскажешь мне занятную историю, так и быть, прощу, – фыркнула Анна, отметив про себя, что в черных глазах байкера что-то изменилось. Живой блеск появился. – Эй, да что с тобой такое?! – возмутилась чародейка, выдергивая оружейника из мечтательного состояния, в которое тот уже успел погрузиться.

– Ох, детка... – Виктор уселся на верхнюю ступеньку. – Я себя таким живым впервые за последние восемь лет чувствую.

– Вижу. Цветешь, как кактус после ливня. Но ты не отвлекайся, рассказывай. Интересно все-таки, почему Профессор так ругался. Я и не думала, что он такие слова знает.

– Ох-ой! – Байкер озаренно хлопнул себя по лбу. – Какой же я забывчивый дурак! В общем, слушай... – И он вкратце пересказал Анне события вчерашнего вечера.

Чародейка выслушала, не перебивая, и многозначительно хмыкнула. Все с ними ясно.

– Что ты на меня так странно смотришь? – не выдержал он пристального взгляда чародейки.

– Ну ты и везучий! – восхищенно выдохнула Анна. – Услышать Песнь Смерти и остаться в живых – это же уметь надо!

– Что? Ты о чем? – не понял Виктор.

– То, что ты вчера слышал, называется Песнь Смерти. И поется она лишь в одном случае: когда душу добровольно отдают смерти намного раньше назначенного срока. А она, Бледная Дева то есть, не очень любит, когда у нее прямо из-под носа утаскивают добровольное подношение. Но больше всего меня настораживает тот парадоксальный факт, что вас она попросту отпустила! Еще и пинок напутственный под зад отвесила, чтобы шли и больше не гршили.

– Не понял...

– Чего ты не понял? Смерть отдала тебе девушку и отпустила вас. Если бы это было не так, то в лучшем случае мы бы нашли поутру два живописно размазанных по дороге труп.

– А пинок... э-э... под зад? Что-то я такого не припомню...

– А как еще можно назвать то жизнеутверждающее сумасшествие, которое вы тут устроили? Когда я открыла дверь, думала, меня снесет энергетической волной! О господи, Виктор, ты уже столько лет работаешь в отделе – и не знаешь элементарных вещей!

– То есть... эхм... н-дя... – Байкер задумчиво потер колючий подбородок, соображая, что надо бы побриться, пока щетина не превратилась в бороду.

– Ладно, иди буди свою гостью. Я принесла противоядие и ее вещи.

– Мм... – Виктор запнулся. – Детка, может, лучше ты, а? Вчера у нас все произошло по обоюдному согласию, но... стресс и все такое...

– О-о, – осуждающе застонала Анна. – Ну почему вы, мужчины, сначала делаете, а потом думаете?

– Это потому, что вы, женщины, нас провоцируете, – невозмутимо парировал он. – А спинной мозг, увы, реагирует быстрее, чем головной.

Из-за двери послышались звуки возни и донесся поток ругательств.

– Гм, кажется, она сама проснулась! – заметила Анна.

Княжна вместе с байкером вернулись в комнату. Радислава, прыжком взвившись с кровати, подскочила к ним и отвесила Виктору хлесткую пощечину.

– Никогда, слышишь, человек, никогда не вмешивайся в дела, которые тебя не касаются! – гневно прорычала она, сжимая кулаки.

Тот ошеломленно потер заполыхавшую щеку. Он ждал любых претензий, но чтобы так!.. Княжна едва сдерживала смех.

– Не понял... – пробормотал он.

– Чего ты не понял?! Чего ты не понял?! Тебя вчера никто не просил вмешиваться, дурак! И почему я тебя не убила?! Откуда ты только взялся на мою голову?! – бушевала Радислава.

– Что-о-о?! – возмущенно заорал Виктор. – Да я же тебе жизнь спас, ненормальная!

– А тебя не просили!

– Отлично! Просто прекрасно! Хочешь топиться? Так иди, я не задерживаю! Вон река через два квартала! И озеро тебя ждет не дождется! Вперед!

– А вот и уйду!

– Да скатертью дорожка! – обиженно напутствовал байкер и вышел прочь, демонстративно грохнув дверь.

Оборотничка, тяжело дыша, растерянно смотрела на захлопнувшуюся створку.

– Успокойся, – произнесла Анна, трогая ее за плечо и пытаясь скрыть усмешку. Ссора выглядела презабавно: Виктор был далеко не маленького роста, а миниатюрная оборотничка не доставала ему и до плеча. – Чего ты разошлась? Что это за цирк с утоплением?

Девушка сбросила руку чародейки со своего плеча и уселась на кровать, настороженно следя за Анной из-под насупленных бровей.

– Мне все равно не жить, – буркнула она. – А этот дурак подставился под удар!

– А-а-а, так вот в чем дело, – усмехнулась княжна, извлекая из пространства чехол с гитарой и потрепанную сумку. Чародейка отметила, как радостно загорелись глаза оборотнички. – Ты что, не слышала, о чем я тебе вчера говорила? Я же не сидела сложа руки – вот, противоядие нашла. – Анна вытащила флакон из кармана. Плеснула в кружку воды, отмерила эликсир. – Пей. Да не бойся, не отравишься.

Радислава выпила лекарство и притворно брезгливо поморщилась, на самом деле едва сдерживая счастливую улыбку:

– Ну и гадость.

– Ничего, переживешь. Кстати, тебя будет лихорадить несколько часов. Возможно, поднимется температура. Это обычная реакция. Так что лучше тебе отлежаться здесь.

– Угу, размечтались. – Оборотничка извлекла из сумки одежду. – Я ухожу.

– Дело твое, – вздохнула Анна. – Ты не хочешь извиниться?

– За что? – не поняла Радислава. – За то, что этот дурак сломя голову полез туда, куда не просили? – Девушка закинула гитару на плечи.

- Тебя подкинуть до окраины? – спросила Анна.
- Да уж, будь любезна, – сухо откликнулась менестрель.
- Княжна раскрыла окно телепорта.
- А можно вопрос напоследок...
- Ну? – обернулась оборотничка.
- Так как он предпочитает... э-э... – хитро усмехаясь, осведомилась Анна.
- Радислава смерила ее испепеляющим взглядом и шагнула в портал...
- Чародейка вышла на улицу и столкнулась с Виктором.
- Ушла? – усиленно напуская на себя безразличный вид, спросил он.
- Ушла.
- Ну и ладно, – нарочито равнодушно буркнул байкер. – Баба с воза, кобыла в курсе...
- Анна только недоверчиво покачала головой. Она слишком хорошо знала Виктора, чтобы поверить, будто вся эта история так просто закончится.
- А к Профессору все же зайди, – напомнила она, – пока он в порыве страсти не изобрел какую-нибудь убийственную штуковину и не опробовал ее на тебе.

Профессор сидел мрачнее тучи, тщетно пытаясь уравновесить разнополярные электроды в приборе жутковатого вида, чтобы напряжение наконец прекратило скакать как бешеное. В конце концов отрицательный электрод вылетел из пазов и столкнулся с положительным. Оглушительно бахнуло, посыпались искры. Криз резко отшатнулся, готовый разразиться ругательствами, но заметил, что напряжение нормализовалось и генератор защитного поля, извлеченный из кресла Эрика ди Таэ, начал нормально работать.

– Хм... – Он задумчиво потер подбородок. – Иногда, оказывается, для достижения результата нужно просто не мешать.

Дверь приоткрылась, и в лабораторию зашел Хьюго. Криз лишь хмыкнул. За все время знакомства с де Крайто он научился безошибочно распознавать проблемы, волнующие воспитанника, едва взглянув на его лицо. В такие моменты выражение лица у парня становилось удрученно-пафосным и чрезвычайно серьезным, что всегда вызывало у Профессора невольную улыбку.

– Профессор, вы вчера так и не вернулись домой, – озабоченно обронил де Крайто. – Я волновался.

– Не стоило, мой мальчик. Вот если бы я не вернулся и сегодня, тогда другое дело, а так я просто застрял на дороге в получасе езды от Будапешта. Машина сломалась. А этот олух царя небесного Виктор куда-то пропал, вместо того чтобы приехать и помочь. Пришлось ночевать в машине, а утром добираться в город пешком. Кстати, если увидишь нашего доблестного «механика», передай, что если он немедленно не появится у меня, то я сниму с его мотоцикла генератор энергии – и пусть тогда ездит как хочет! Хоть на метле Анны. – Криз был раздражен, однако пытался сдерживаться.

– Как, у Анны есть метла? – Нижняя челюсть Хьюго отвисла. К счастью, он быстро понял, что наставник ввернул этот пассаж ради красного словца, и успокоился: – Хорошо, Профессор, я передам, но... Но сейчас мне нужно с вами поговорить.

Вилдар обреченно вздохнул. А он-то как раз собирался отправиться домой и выспаться.

– Это срочно?

– Да.

Профессор испытующе взглянул на воспитанника. Судя по всему, действительно срочно.

– Я тебя слушаю.

– Профессор, я бы хотел отречься от сана, – торжественно признался Хьюго.

– Ч-что? – Криз недоверчиво уставился на него.

– Я хотел бы отречься от сана.

Вилдар бурно расхохотался. Де Крайто недоуменно воззрился на наставника, явно опасаясь за состояние его рассудка.

– О Господи, хвала Всевышнему, что он вправил мозги этому рабу божьему! – отсмеявшись, воскликнул Профессор. – Наконец-то до тебя дошло! – И он ликуя хлопнул юношу по плечу.

– Просто... Я понял, что Бог, который стоит над миром, и Бог, в которого верил я, – это разные боги, – смущенно проговорил юноша. – Я верил в гнев и месть, но настоящий Бог – это в первую очередь любовь и самопожертвование. А тело человека и есть храм Божий.

Криэ одобрительно усмехнулся:

– Рад, что ты все-таки это понял. Но жаль, что для этого тебе понадобилось сначала умереть.

– Мне тоже жаль, – с какой-то непонятной горечью откликнулся мечник.

– Хьюго, пока я не отправлю запрос в синод и не получу ответа, тебе придется носить сан, – напомнил Профессор.

– Я знаю. – Взгляд молодого мечника наполнился странной тоской. – А жаль...

– Если мне позволят провести обряд, все будет гораздо проще, но если нет – тебе придется предстать перед синодом.

Де Крайто упрямо тряхнул головой:

– Я готов. Прозрение досталось мне слишком дорого, чтобы от него отказываться.

«Ну что ж, иногда действительно, чтобы достичь результата, нужно просто не мешать», – вновь подумал Профессор.

Начальник внутренней инквизиционной гвардии склонился в поклоне перед главой инквизиции Нейтральной зоны, отметив про себя, что мэтр Саграда поседел еще больше. Полгода назад седина серебрилась лишь на висках, подчеркивая угольную черноту волос инквизитора. Сейчас же она обильно присыпала всю голову, придав волосам пепельный оттенок. И произошло это буквально за считанные дни.

– Мы обыскали весь город. Никаких результатов, господин инквизитор, – отрапортовал он, стараясь не смотреть команданте в глаза. В них и раньше мало кто отваживался заглядывать, а в последнее время – тем более. Кто же захочет столкнуться взглядом с пустотой?

– Значит, общитесь еще раз, – терпеливо откликнулся сеньор Христобаль. – Она – одна из немногих, переживших Волчий мор и не попавшихся Саксонскому корпусу. Она может являться носителем.

– Да, мэтр. – Капитан поклонился еще раз и вышел.

Саграда криво усмехнулся ему вслед. Все же власть имеет свои неоспоримые преимущества. Не нужно, например, уточнять, носителем чего может быть оборотничка, но уж точно не той дряни, которая провоцирует ликантропию⁷ у людей.

Арьята смущенно взглянула на Рида, так вовремя появившегося в коридоре. Архонт подобрал оброненную книгу, и ведьмочка с удивлением отметила, что это какой-то бульварный роман с полуобнаженной дамочкой на обложке. Кажется, отцу Риду было все равно, что читать, он наслаждался самим процессом. Священник поправил очки, сползшие на кончик носа, и смерил девушку рассеянным взглядом.

– А... хм... как ваша щека, отец Рид? – заикаясь, выдавила Арьята.

⁷ Ликантропия – род сумасшествия, в котором больным кажется, что они обращены в волков.

– Мм, все в порядке, не стоит беспокойства, дит... хм... – Архонт вовремя прикусил язык. – Кстати, я ведь так и не вернул тебе ленту. – Священник потянулся к стянутым в пучок волосам.

– Нет, не нужно, – протестующе замахала руками Арьята. – Это... подарок, – смутилась ведьмочка. – Оставьте ее себе. К тому же если вы ее вернете, то наверняка забудете заменить другой.

На щеках Рида выступил смущенный румянец.

– А ведь и правда забуду, – улыбнулся он. – Я ужасно рассеян. Но я вижу, тебя что-то гнетет, дитя мое, – все же оговорился он.

Арьята великодушно пропустила злополучную оговорку мимо ушей.

– Анна просила куртку забрать, – пояснила девочка, – она ее вчера в кабинете забыла.

– Куртку? – переспросил Рид. – Ну идем.

Ведьмочка нервно комкала в руках куртку наставницы. Архонт делал вид, будто усердно что-то ищет на полке открытого шкафа. Арьята не выдержала первой.

– Отец Рид... – срывающимся голосом выдавила она. – Я... вы...

Священник обернулся и умоляюще взглянул на нее.

– Арьята, не надо, – тихонько взмолился он. – Не мучь ни себя, ни меня. – Архонт оперся о подоконник, ощутив болезненное покалывание в груди. Такое с ним в последнее время случалось довольно часто. Видно, рана, полученная год назад в Петербурге, оказалась не такой уж безобидной, как показалось тогда, да и Мальборг ему тоже здоровья не добавил.

Покалывание, секундная боль – и снова все нормально.

– Отец Рид, что с вами? – встревоженно осведомилась девочка.

– Ничего, все нормально. – Он попытался улыбнуться. – Старые раны... – Архонт почувствовал, что боль продолжает нарастать. Похоже, в этот раз все так быстро не закончится. Священник опустил в кресло, стараясь двигаться таким образом, будто ничего не происходит. Грудную клетку пронзил острый спазм, начинавшийся от ребер и уходивший вглубь холодными иглами. Дыхание сбилось. Архонт негнущимися пальцами вытащил белую вставку и попытался расстегнуть ворот рубашки и сутану. Рука беспомощно скользнула по ткани. Священника скрутило в очередном приступе конвульсий, перед глазами потемнело.

– Отец Рид!.. – испуганно закричала ведьмочка.

Когда наконец синие молнии перед глазами прекратили свою дикую пляску и в голове слегка прояснилось, Рид ощутил, что боль притупилась и начала уходить. Священник моргнул. Его рубашка и сутана оказались расстегнуты до середины. Арьята, сидевшая у него на коленях, что-то глухо бормотала, положив ладони на обнаженную грудь архонта.

– Ведете себя, как мастер Эрик, – вздохнула ведьмочка, прекращая бормоталку. – Он тоже такой – от боли будет корчиться, но при этом доказывает, что все прекрасно, лишь бы госпожа Злата и Анна не волновались.

Рид, наконец-то осознавший положение их тел в пространстве, смутился.

– Спасибо, – его голос прозвучал как-то хрипло и отстраненно, – но сейчас у меня действительно все в порядке...

– Да какое там «в порядке»! – возмутилась Арьята. – У вас осколок заклинания в груди застрял. Он, наверное, раньше в кости сидел, и поэтому вы ничего не ощущали, а сейчас начал вглубь двигаться. Сидите спокойно, я попробую его вытащить. – Девочка сосредоточилась. Рид едва сдержался, чтобы не застонать: возникло такое ощущение, словно в него воткнули ручную дрель и медленно ее проворачивают. – Сейчас... – пробормотала ведьмочка, снова прижимая ладони к груди архонта.

Вновь резкая боль – и все закончилось. Рид безвольно обвис в кресле, тяжело дыша.

– Все, – усмехнулась Арьята, держа на ладони полуэфемерный угловатый осколок. – Можете оставить себе на память.

– Спасибо, – слабо улыбнулся Рид. – Ты молодец...

– Эхм, – раздалось от двери. – А что, собственно, происходит? – На пороге стояла Анна ди Таэ.

– Э-э-э... – Арьята неуклюже сползла с колен Рида. – Осколок заклития. – Ведьмочка протянула его наставнице.

Княжна кивнула и растворила осколок в воздухе. Чародейке вдруг стало стыдно. Ведь священник действительно жаловался ей на боль в груди. Она все обещала посмотреть, но начались все эти перипетии с воскрешением, а Рид был отчасти слишком рассеян, а отчасти чрезмерно тактичен, чтобы напоминать. И вот в какую трагедию это едва не вылилось. Он же мог умереть! Анна подошла ближе и сделала над архонтом несколько пассов.

– Иди-ка ты лучше домой, – мрачно порекомендовала она. – Отдохни. А перед Златой я тебя прикрою.

– Да нормально я себя чувствую, – беззаботно отмахнулся священник.

– Слушай, святой отец, вот только не надо мне лапшу на уши вешать! – перебила его чародейка. – Уж кто-кто, а я знаю, как «нормально» можно себя чувствовать после извлечения магического осколка, тем более из груди! Тебе лучше до конца дня отлежаться.

– Но...

– Никаких «но». Арьята тебя проводит.

Архонт попытался вяло возразить, но потом обреченно махнул рукой.

Досточтимый сеньор Христобаль Саграда мрачно восседал в кресле, с легким раздражением перебирая пальцами по столу. Когда подчиненные заставляли многоуважаемого сеньора Саграду на рабочем месте и ранним утром, и поздним вечером, у них неизменно возникало чувство, будто его инквизиторское святейшество вообще поселился в своем кабинете. По большей части так оно и было. Но пусть сегодня сеньор инквизитор и соизволил в кои-то веки ночевать дома, его настроение от этого отнюдь не улучшилось. Минувшей ночью он получил недвусмысленное предупреждение: ОНА прекрасно осведомлена обо всех его действиях и весьма ими недовольна.

Начиная игру на чужом поле, команданте предполагал, что рано или поздно Слепая Гостья решит вмешаться. Некроманты вообще никогда особо не ладили с госпожой Смертью, поскольку без разрешения встречали в последовательный ход событий, ею же и задуманный. Леди ла Морт платила им тем же, не переступая, впрочем, грани дозволенного, если нарушения не были такими уж вопиющими или действия черных магов не шли вразрез с ее интересами. Не собиралась она, кажется, делать этого и сейчас, что отнюдь не снижало риска. Пусть Бледная Дева и не сможет ничего сказать, зато это сможет сделать кое-кто другой. То, что она появилась поблизости, означает только одно: в Будапеште находится Поводырь Смерти⁸. Всем известно, что Госпожа всегда пребывает рядом с Поводырем до полного исполнения договора. А Поводырю не составит труда рассмотреть метку некрманта.

Сеньор Христобаль рассеянно ущипнул себя за мочку уха. Не так давно он уже сталкивался с наименованием «Поводырь Смерти». Оставалось лишь вспомнить, где это было. Инквизитор поднялся и открыл сейф, извлекая на свет божий пластиковую папку. Пару месяцев назад ему наконец удалось добиться от главы Дипломатического корпуса, досточтимого кардинала Дэпле, выдачи досье на всех сотрудников специального отдела, работающих под началом Златы Пшертневской. Команданте внимательно пересмотрел документы и довольно

⁸ **Поводырь Смерти** – человек, заключивший договор со Смертью для достижения некоей цели. По истечении срока действия договора Смерть забирает Поводыря с собой.

хмыкнул, быстро найдя искомое: «Кипелов Виктор, оружейник, 32 года. Заключил добровольный договор со Смертью и стал ее Поводырем в обмен на возможность истребить всех убийц своей семьи» – самый проблемный и бесполезный сотрудник, как охарактеризовал его в свое время кардинал Дэпле. Да уж, проблемный... И ликвидировать эту проблему нужно как можно скорее. Гончие⁹, правда, не смогут определить в человеке Поводыря Смерти, пока не столкнутся с ним нос к носу, зато смогут почуять ту, что не принадлежит ни одному из миров. Ту самую оборотнишу, которая спела сегодня ночью призывную Песню Смерти. Спела по вине команданте. И Бледная Дева пришла... Ее холодные эманации буквально витали в небе над городом. Но леди ла Морт отступила ни с чем, что без труда ощутил любой некромант Будапешта. А заставить или уговорить ее уйти с пустыми руками умел только Поводырь Смерти... Тот самый Виктор, который притягивает к себе слишком много заинтересованных взглядов. А значит, им пора заняться...

Сеньор инквизитор вскинул ладони перед собой, перебирая пальцами в воздухе так, будто дергал за невидимые нити и пробуждал тем самым нужные ему силы. Хватит играть по мелочи, отныне он вводит в бой все свои резервы!

Холл главного здания Дипломатического корпуса при Единой всеблагодатной матери-церкви навевал тоску, повергая в уныние запыленной тяжелой лепниной на темном потолке. Вздыхающиеся ввысь колонны из темно-зеленого мрамора подавляли одним своим видом, а обитые дубовыми панелями стены создавали ощущение склепа.

Госпожа кардинал Злата Пшертневская вышла из кабинета главы Дипломатического корпуса, гулко цокая каблучками по серым плитам мраморного пола. Это цоканье раздражало. Пшертневская остановилась, раскрывая портал при помощи амулета. Секунда – и она уже в отделе, в своем кабинете. Женщина устало опустилась в кресло, скрыв лицо в ладонях.

– Что-то случилось, *ma daeni*? – Князь материализовался возле нее.

Злата вздрогнула – она до сих пор не привыкла к тому, что Эрик имеет привычку появляться столь неожиданно и совершенно беззвучно.

– *Ma daeni*? – Чародей бережно взял ее за руку. – Я почувствовал, что тебе плохо, *ma daeni*. Что случилось?

– Глава корпуса кардинал Дэпле, это заплывшее жиром, трясущееся недоразумение в рясе, хочет распустить отдел, – едва сдерживаясь, чтобы не сорваться на ругательства, с трудом выговорила Пшертневская. – Утверждает, что от нас больше проблем, чем пользы. – Она потерла висок. – Ему, видите ли, надоело выслушивать претензии инквизиции!

– И это после всего того, что отдел сделал для церкви? После того, как отдел не раз вытаскивал и корпус, и синод из неприятностей?! – Князь сердито вскинул бровь.

– Мне сегодня припомнили все: и Мадрид с Мальборгом, и тот инцидент с инквизицией полугодовой давности, когда мы чуть не разнесли их штаб...

– Они не посмеют распустить отдел! Отношения с древними еще не настолько стабилизировались, – обоснованно возразил Эрик. – И вряд ли когда-нибудь достигнут полного равновесия.

– Мне удалось выбить два месяца отсрочки, – сообщила Пшертневская. – Если за этот период отдел не получит ни единого нарекания от кого бы то ни было, нас оставят в покое... на время. Если что-то все же случится – нас распустят немедленно. Господи, я так устала...

Князь ди Таэ сочувственно взглянул на любимую женщину. Видно, ситуация дошла до предела, если она так сказала. Он знал: Злата никогда не произносит подобных вещей вслух, никогда ни на что не жалуется, даже ему. Все-таки ее покойный отец основал этот отдел, а Злата – истинная дочь своего отца!

⁹ Гончие – разновидность демонов.

– Иди ко мне, – просто позвал князь, ласково усаживая ее к себе на колени.

Женщина доверчиво прижалась к чародею и спрятала лицо у него на груди.

– Все будет в порядке, – пообещал Эрик, успокаивающе проводя ладонью по ее волосам. – Мы продержимся. Отступать некуда, ибо мы все здесь слишком крепко связаны.

Пшертневская молча кивнула, соглашаясь. Говорить не хотелось.

В дверь деликатно постучали, и на пороге возник пожилой секретарь. Ему уже не впервой было заставить госпожу кардинала сидящей на коленях князя ди Таэ, а поэтому, не обращая на сей пикантный факт никакого внимания, он лаконично уведомил:

– Госпожа кардинал, глава Дипломатического корпуса на второй линии.

Злата неохотно вернулась в свое кресло и щелкнула кнопкой АВС – аппарата внешней и внутренней связи. Над столом повисло мерцающее изображение главы корпуса.

– Ага, князь, и вы здесь, – неприветливо буркнул динамик голосом Дэпле.

– И вас тем же самым по тому же месту, господин кардинал, – язвительно откликнулся Эрик.

– Что случилось? – резковато осведомилась Злата.

– Для вас появилась работа, – неприятно изрек Дэпле. – А у меня появился весомый повод потерпеть вас еще. Сейчас прибудет мой человек и ознакомит вас с ситуацией. И не вздумайте провалить эту миссию!

Глава корпуса отключился.

Князь ди Таэ недовольно глядел туда, где еще секунду назад мерцало одутловатое лицо кардинала Дэпле.

– Ну не сволочь ли, а? – риторически спросил он. – Сначала унизил нас, полил грязью, а теперь в приказном порядке чего-то требует!

– Брось, Эрик. – Пшертневская устало откинулась на спинку кресла. – Это наша работа, и мы должны ее выполнять.

Анна подобрала валяющуюся на полу куртку и покачала головой. Пробормотала формулу, разглаживая мятую ткань. Н-да, дела... В последние дни ее не покидало чувство настороженности. Воздух просто дрожал от смутно-тревожной энергии, а сейчас сюда вплелась еще одна трепетная нить.

Княжна вышла в коридор и спустилась на задний двор. Заглянула в гараж – Виктор с хмурым видом сидел на верстаке и швырял ножи в нарисованную на стене мишень.

– Эй! – окликнула его чародейка. – Что случилось? Ты к Профессору заходил? Выяснил, чего он хотел?

– Заходил, – похвалился байкер, проигнорировав первый вопрос. – Он хотел, чтобы я забрал его колымагу с дороги и пригнал сюда. А эту рухлядь еще отремонтировать! – Он на секунду замолчал. – Нет, я так не могу! А если с ней что-то случится?

– С кем? – не поняла Анна. – С колымагой?

– Да при чем тут этот гроб на колесиках, просвиру ему в селезенку! Я про девчонку эту, оборотничку! Не нужно было ее отпускать, – с горечью произнес байкер. – Каюсь, сам виноват, не сдержался. Но она тоже хороша... Нет, черт, а если она на патруль нарвется?!

Анна уже и сама раскаивалась, что позволила оборотничке уйти, но отнюдь не из-за душевных терзаний байкера. Воспоминания менестреля, бесцеремонно считанные княжной два дня назад из ее памяти, наводили на определенные и не очень хорошие мысли об очередной серии проблем. Эх, следовало бы расспросить ее поподробней... Но, как водится, хорошая мысль приходит опосля.

– Я шизеть начинаю, когда думаю о том, во что эта ненормальная может вляпаться! – мрачно сообщил Виктор, посылая в мишень очередной нож. Клинок вонзился в доску, расколол ее пополам, и уже торчавшие там ножи со звяканьем полетели на пол.

– Слушай! – озаренно воскликнула княжна, слегка удивленно наблюдая за Виктором. – Да ты влюбился!

– Чего?! Не гони пургу, детка. Да я и видел-то ее всего два раза в своей жизни! Просто не хочется, чтобы с ней что-то случилось. Зря, что ли, я ее с обрыва стаскивал?

– Для того чтобы полюбить, достаточно и нескольких секунд, – горько вздохнула Анна. – Гораздо больше времени требуется для того, чтобы осознать сам факт влюбленности.

– Ко мне это не относится, – уперся Виктор. – Анна, я убийца. У меня не душа, а помойка, вряд ли способная кого-то любить.

– Глупости! – прервала его чародейка. – Право на любовь имеют все живущие в этом мире. Даже обгорелый пень способен выкинуть новые побеги.

– Детка, я был Поводырем Смерти, а это все равно что умереть. Я отказался от всего, – резко откликнулся байкер. – Заключил договор со Смертью, дабы она предоставила мне возможность отомстить тем, кто убил мою семью.

– Поводырем Смерти? Но я не видела на тебе печать договора, – опешила княжна.

– Меня выкупили, – тяжело вздохнул Виктор. – Рид выкупил, когда я ждал казни в камере смертников. Я когда узнал, чуть сам его не прибил! А он тогда сказал, что верит в то, что я должен жить...

«М-да, вот оно, оказывается, как получилось... – подумала княжна. – Значит, Рид его выкупил. Интересно, что же он отдал ей взамен? Смерть, как известно, требует достаточно дорогого выкупа за тех, кто разрывает договор».

Виктор спрыгнул с верстака, порылся в ящике с инструментами, вытащил несколько железок и рассовал по карманам.

– Подкинешь до места, детка? – деловито осведомился он. – Пойду колымагу ремонтировать.

– Без проблем. – Чародейка щелкнула пальцами, раскрывая портал. Байкер скрылся в мерцающем квадрате телепорта.

Княжна сердито вздохнула и покачала головой. Что, черт возьми, случилось с этим грешным миром? И куда их всех несет?

Порыв свежего ветра внезапно распахнул дверь пристройки, ласково овеяв задумавшуюся девушку. В воздухе ощутимо пахло клейкими тополиными почками и духмяными хвостиками вездесущей травы тимофеевки.

– Да это же просто весна, чтоб ей пусто было! – философски заключила Анна, выходя во двор.

Глава 6

Рид расслабленно вытянулся на диване. Похоже, Анна в очередной раз оказалась права – чувствовал он себя отвратительно, просто хуже некуда. Голова кружилась, слабость накатывала противно-тошнотворными волнами. Как он умудрился добраться до дома, вообще непонятно. Если бы не Арьята, наверняка отключился бы где-нибудь по дороге. Девочка появилась из кухни со стаканом воды в руке и под села к архонту:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.